

Ты меня заморозил

Автор:

Мэри Кларк

Ты меня заморозил

Мэри Хиггинс Кларк

Под подозрением #1

Впервые на русском языке – новый бестселлер от королевы зарубежного детектива!

Двадцать лет назад в поместье миллионера Роберта Пауэлла проходило шумное празднество по случаю выпускного вечера его падчерицы и трех ее подруг. Многие запомнили эту знаменитую вечеринку – но далеко не только из-за ее размаха и роскоши. Ведь именно в ту ночь у себя в спальне была задушена жена миллионера Бетси. Полиция так и не нашла преступника, решив, что в дом в тот вечер прокрался случайный грабитель. Однако все вокруг судачили о том, что убийца – кто-то из выпускниц. Ведь на самом деле у каждой из четырех девушек был свой мотив... И вот, спустя двадцать лет, известная журналистка задумала снять телешоу, пригласив в дом Пауэлла всех участниц того выпускного вечера. А сам миллионер дал согласие на реконструкцию тех давних событий, поскольку твердо решил выяснить, кто же убил его любимую...

Мэри Хиггинс Кларк

Ты меня заморозил

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Благодарности

И вновь история рассказана до конца. Прошлым вечером я написала последние слова, а потом легла и проспала двенадцать часов подряд.

Этим утром я проснулась с радостным осознанием того, что все встречи с друзьями, которые я отменила ранее, можно назначить заново.

Но так приятно рассказать еще одну историю, совершить еще одно совместное путешествие с персонажами, которых я создала и к которым прониклась теплыми чувствами – или не прониклась.

Как это было в последние сорок лет, капитаном моего корабля был Майкл В. Корда, мой редактор. Я отсылала ему по двадцать или двадцать пять страниц разом. Его ответ по телефону: «Всё в порядке» – звучал для меня подобно музыке. Позвольте мне повторить еще более страстно: Майкл, работать с вами просто замечательно.

Я благодарю Мэрисию Рюччи, нового главного редактора издательства «Саймон энд Шустер», мою чудесную подругу и наставницу. Работать с ней – просто счастье.

Заслуживает признательности и моя собственная «домашняя» команда, начиная с моей помощницы Надин Петри, моей дочери Пэтти и моего сына Дэйва, Агнес Ньютон и Айрин Кларк. И конечно, Джон Конhini, мой невероятный супруг, а также все мои родные.

Отдельные благодарности литературному редактору, Джипси да Сильва, и художнице-иллюстратору Джеки Сяо. Благодаря ее обложкам мои книги выглядят прекрасно. Спасибо также Элизабет Бриден.

Пора начинать думать о том, что будет дальше. Но я отложу это на некоторое время. В конце концов, завтра будет новый день.

Джону и нашим детям и внукам, носящим фамилии Кларк и Конhini, с любовью.

Пролог

Доктор Грег Моран раскачивал на качелях трехлетнего Тимми. Дело было на игровой площадке, расположенной на Восточной Пятнадцатой улице Манхэттена, недалеко от дома, где они жили.

– Двухминутная готовность! – со смехом предупредил Моран, еще раз толкая сиденье – достаточно сильно, чтобы порадовать сорвиголову-сына, но не настолько, чтобы качели могли совершить полный оборот через верх. Когда-то давно он видел такой рискованный трюк. К счастью, тогда никто не пострадал – ребенок был надежно пристегнут к сиденью. Но все равно Грег, при своем росте в шесть футов три дюйма и руках соответствующей длины, всегда был чрезвычайно осторожен, когда раскачивал Тимми на качелях. Будучи врачом «Скорой помощи», он слишком хорошо был знаком с последствиями таких несчастных случаев.

На часах было половина седьмого, солнце стояло низко, через игровую площадку тянулись длинные тени. В воздухе ощущался слабый холодок, напоминая о том, что День труда будет уже в следующие выходные.

– Минутная готовность, – строгим тоном напомнил Грег.

Прежде чем повести Тимми гулять, Моран отдежурил двенадцать часов. В отделении экстренной помощи и так-то отдыхать не приходилось, но сегодня там царил полный хаос. Подростки, набившись в две легковые машины, устроили гонки на Пятой авеню и, конечно же, столкнулись друг с другом. Невероятно, но никто не погиб, однако трое ребят получили серьезные травмы.

Грег перестал раскачивать качели, давая им возможность замедлить размах и остановиться самостоятельно. Тимми не выразил ни малейшего протеста, и это означало, что он тоже готов идти домой. Они и так оставались на игровой площадке последними.

– Доктор!

Грег обернулся и увидел крепко сложенного мужчину среднего роста. Лицо незнакомца было скрыто шарфом, а в руке он держал пистолет, целясь в голову Грегу. Моран инстинктивно сделал шаг в сторону, пытаясь оказаться как можно дальше от Тимми.

– Послушайте, мой бумажник у меня в кармане, – негромко произнес Грег. – Можете взять его.

– Папа! – В голосе Тимми звучал страх. Мальчик извивался на сиденье, пытаясь освободиться от ремней безопасности, и смотрел прямо в глаза стрелку.

В последний миг своей жизни Грег Моран, тридцати четырех лет от роду, известный врач, горячо любимый муж и отец, пытался броситься на убийцу. Но у него не было ни единого шанса избежать смертельного выстрела – пуля попала ему прямо в лоб.

– Па-а-а-а-п-а-а-а-а! – закричал Тимми.

Убийца бросился в сторону улицы, затем остановился и обернулся.

– Тимми, скажи своей матери, что она следующая! – крикнул он. – А потом твоя очередь!

Этот выстрел и громкую угрозу слышала Марджи Блесс, пожилая женщина, шедшая домой с работы – она подрабатывала в местной пекарне. На несколько долгих секунд она остановилась, не в силах оторвать глаза от жуткого зрелища: бегущий человек сворачивает за угол, в руке его поблескивает пистолет, на качелях исходит криком маленький мальчик, а рядом на земле недвижно скорчился мужчина.

Руки у Марджи дрожали так сильно, что она только с третьей попытки сумела набрать «911».

Когда оператор ответил, пожилая женщина сумела только простонать:

– Скорее! Скорее! Он может вернуться! Он застрелил мужчину и угрожал ребенку!

Голос ее сорвался, когда Тимми зарыдал, выкрикивая:

– Синеглазый убил папу... Синеглазый убил моего папу!

1

Лори Моран выглянула в окно своего кабинета на двадцать пятом этаже пятнадцатого здания Рокфеллеровского центра. Отсюда ей хорошо был виден каток в середине этого знаменитого комплекса на Манхэттене. Стоял солнечный, но холодный мартовский день, и с высоты Лори наблюдала за тем, как новички неуверенно вихляются на коньках и как другие, продвинутые конькобежцы, скользят по льду с грацией балетных танцоров.

Тимми, ее восьмилетний сын, любил хоккей на льду и намеревался достичь достаточного мастерства, чтобы к двадцати одному году выступать за нью-йоркских «Рейнджеров». Лори улыбнулась, вспомнив лицо Тимми и его выразительные карие глаза, сияющие восторгом, когда он воображал себя вратарем в будущих матчах «Рейнджеров». «К тому времени он станет копией Грега», – подумала Лори, но быстро оборвала эту мысль и вернулась к своему рабочему столу, раскрыв лежащую на нем папку.

Лори было тридцать шесть лет, ее волосы цвета меда достигали плеч, а орехового цвета глаза казались скорее зелеными, чем карими. Стройного сложения, с правильными чертами лица, не тронутого макияжем, она была одной из тех женщин, на которых оглядывались на улице. «Классная и симпатичная», – обычно отзывались о ней.

Она работала продюсером на студии «Фишер Блейк» и уже выиграла несколько премий. Сейчас Лори намеревалась запустить новую передачу для кабельного телевидения, задуманную ею еще до смерти Грега. Тогда ей пришлось отложить проект – она понимала, что люди могут решить, будто она пришла к такой идее из-за неразгаданного убийства мужа.

В передаче предполагалось воссоздать нераскрытые преступления, но не задействовать актеров, а собрать друзей и родственников жертв, чтобы услышать от них их собственные версии того, что же случилось. По возможности, показать подлинное место преступления и кадры хроники. Это был рискованный замысел – с большой вероятностью успеха и столь же большой возможностью провала.

Лори только что вернулась с совещания со своим начальником, Бреттом Янгом, который напомнил ей, что она клялась больше никогда в жизни не браться за реалити-шоу.

– Ваши последние две попытки оказались чудовищным фиаско и дорого нам обошлись, – сказал он. – Мы не можем позволить себе еще один такой случай. – И многозначительно добавил: – И вы тоже.

Теперь, допивая кофе, принесенный с этого двухчасового совещания, Лори обдумывала страстные аргументы, которыми пыталась убедить босса:

«Бретт, прежде чем вы еще раз напомните мне, как вам надоели реалити-шоу, я пообещаю вам, что это будет совсем другим. Мы назовем его «Под подозрением». На второй странице той папки, которую я вам передала, приведен длинный список неразгаданных преступлений, а также тех, что вроде бы были раскрыты, но есть большая вероятность, что в тюрьму отправили не того человека».

Лори обвела взглядом кабинет. Его вид укрепил ее решимость сохранить за собой это место. Кабинет был достаточно большим, чтобы поставить под окном диванчик, а у стены – длинную застекленную полку, на которой красовались памятные подарки, завоеванные ею призы, а также семейные фотографии – в основном снимки Тимми и отца Лори. Она уже давно решила: фото Грега останутся только дома, в ее спальне, а не на виду, где неизбежно будут напоминать всем о том, что она вдова и что убийство ее мужа так и не было раскрыто.

«Похищение Линдберга[1 - Д е л о Л и н д б е р г а – дело о похищении и убийстве Чарльза Августа Линдберга-младшего, сына знаменитого авиатора Чарльза Линдберга и Энн Морроу Линдберг. Одно из получивших наиболее широкую огласку преступлений XX века. 20-месячный ребенок был похищен из

своего дома в Ист-Эмвилле, Нью-Джерси, недалеко от города Хопвелл, Нью-Джерси, вечером 1 марта 1932 года. Спустя два месяца, 12 мая 1932 года, тело было обнаружено неподалеку от дома Линдбергов. Медицинская экспертиза установила, что причиной смерти был массивный перелом черепа.] стоит первым в вашем списке. Но это произошло восемьдесят лет назад. Вы же не собираетесь воспроизводить его?» – спросил на совещании Бретт.

Лори ответила ему, что это пример преступления, о котором люди говорят поколениями, настолько ужасным оно было – но равным образом и потому, что в этом деле осталось множество нерешенных загадок. Почти нет сомнений в том, что Бруно Гауптман, иммигрант из Германии, казненный впоследствии за похищение ребенка Линдбергов, скотил лестницу, приставленную к окну детской. Но откуда ему было знать, что няня каждый вечер уходит ужинать и оставляет ребенка одного на сорок пять минут именно в этот час? Откуда Гауптман знал это – или кто сказал ему?

Затем Лори рассказала Бретту о неразгаданном убийстве одной из двух дочерей-близнецов сенатора Чарльза Перси. Это случилось во время его первой избирательной кампании в Сенат в 1966 году. Он выиграл на выборах, но убийство так и не было раскрыто, и остались вопросы: не повинна ли в этом преступлении сестра жертвы? А если в дом вошел кто-то посторонний, то почему не залаяла собака?

Продолжая обдумывать прошедшее совещание, Лори откинулась на спинку кресла. Она указала Бретту на то, что когда начинаешь разговор о подобных случаях, у каждого собеседника находится своя теория событий.

«Мы сделаем реалити-шоу о преступлениях, случившихся от двадцати до тридцати лет назад, и сможем узнать точку зрения людей, близко общавшихся с жертвой. Я назову идеальное дело для первой передачи – «Выпускной праздник», – сказала она.

Именно тогда Бретт, как показалось Лори, заинтересовался по-настоящему. Он жил в округе Уэстчестер и знал об этом деле все. Двадцать лет назад четыре подруги, выросшие вместе в Салем-Ридж, заканчивали колледж – каждая своей. Отчим одной из них, Роберт Николас Пауэлл, устроил так называемый «Выпускной праздник» в честь всех четырех девушек. Три сотни гостей, галстуки-бабочки, шампанское и черная икра, фейерверки... все, что угодно. После вечеринки его падчерица и остальные три выпускницы остались ночевать

в доме. Утром жена Пауэлла, Бетси Боннер Пауэлл, известная сорокадвухлетняя светская львица, была найдена задушенной в своей постели. Преступление так и не было разгадано. Роб, как друзья именовали Пауэлла, ныне достиг семидесяти восьми лет, пребывал в отличной физической форме и в здравом уме – и по-прежнему жил в том доме.

Пауэлл так и не женился, вспомнила Лори. Он недавно давал интервью в передаче «Фактор О’Рейли» и сказал, что готов на все, лишь бы разрешить загадку смерти его жены, и что уверен – его падчерица и ее подруги думают так же, как он. Ведь все они понимают: пока правда не раскрыта, люди будут считать, будто кто-то из них пятерых и был убийцей Бетси.

«И вот тогда я получила от Бретта разрешение связаться с Пауэллом и четырьмя бывшими выпускницами, чтобы узнать, хотят ли они принять участие в передаче», – торжествующе подумала Лори.

Пора поделиться хорошими новостями с Грейс и Джерри. Лори взяла телефонную трубку и попросила обоих своих ассистентов зайти к ней. Минуту спустя дверь ее кабинета распахнулась.

Грейс Гарсиа, двадцатипятилетняя помощница по административной части, носила короткое красное шерстяное платье поверх хлопчатобумажных леггинсов, заправленных в высокие полусапожки. Длинные черные волосы она закручивала на темени и закрепляла гребнем. Пряди, выскользнувшие из прически, обрамляли ее личико, имевшее форму сердечка. Густо, но умело наложенная тушь подчеркивала яркий блеск темных глаз Грейс.

Следом за Грейс вошел Джерри Клейн, высокий и тощий, и уселся в одно из кресел, стоявших у стола Лори. Как обычно, он был одет в водолазку и кардиган. Джерри всегда говорил, что намеревается сделать так, чтобы его единственный темно-синий костюм и его единственный фрак прослужили ему двадцать лет, и у Лори не было сомнений в том, что ему это удастся. Он начал работу в компании три года назад, стажером на один сезон, и оказался незаменимым ассистентом режиссера. В этом году ему исполнилось двадцать шесть.

– Не буду долго вас томить, – объявила Лори. – Бретт дал нам «добро».

– Я так и знала! – воскликнула Грейс.

– Я понял это по выражению твоего лица, когда ты вышла из лифта, – заявил Джерри.

– Ты ничего не мог понять. У меня было непроницаемое выражение лица, – возразила ему Лори. – Итак, первое указание по этому делу – связаться с Робертом Пауэллом. Если я получу его согласие, то, судя по тому, что я видела в том интервью, его падчерица и три ее подруги, скорее всего, тоже захотят сотрудничать с нами.

– Особенно если им хорошо заплатят за сотрудничество, ведь у них у всех доход не такой уж большой, – подхватил Джерри. Потом, ненадолго задумавшись, выложил сведения, собранные им для задуманной передачи: – Дочь Бетси, Клэр Боннер, – социальная работница в Чикаго. Замужем не была. Нина Крэйг в разводе, живет в Голливуде, зарабатывает на жизнь, снимаясь статистом в фильмах. Элисон Шефер работает фармацевтом в маленькой аптеке в Кливленде. Муж у нее калека – был сбит машиной двадцать лет назад, водитель с места происшествия скрылся. Регина Коллари переехала в Сент-Огастин во Флориде. Держит маленькое агентство по недвижимости. Разведена, единственный ребенок учится в колледже.

– Ставки очень высоки, – предупредила Лори. – Бретт уже напомнил мне, что прошлые два проекта оказались провальными.

– А он упомянул, что первые два, которые ты запустила, все еще выходят? – гневно спросила Грейс.

– Нет, не упомянул и не станет. И я нутром чую, что у этой передачи есть возможность стать выигрышной. Если Роберт Пауэлл пойдет на контакт с нами, то почти ручаюсь, что остальные подтянутся следом за ним, – сказала Лори и с жаром добавила: – По крайней мере, я на это надеюсь и молюсь, чтобы так и вышло.

Поговаривали, что первый заместитель комиссара нью-йоркского департамента полиции Лео Фэрли должен был получить повышение и стать следующим комиссаром, но несколько дней спустя после похорон зятя он подал рапорт об отставке. И сейчас, более чем пять лет спустя, Лео не сожалел о своем решении. В свои шестьдесят три года он был полицейским до мозга костей. Он с детства намеревался служить в полиции и уйти с поста только по возрасту, но нечто более важное заставило его изменить планы.

Шокирующее, хладнокровное убийство Грега и угроза, которую слышала пожилая свидетельница: «Тимми, скажи своей матери, что она следующая. А потом твоя очередь», – оказались достаточным поводом для того, чтобы посвятить жизнь защите дочери и внука. Среднего роста, жилистый и подтянутый, Лео Фэрли отличался военной выправкой, но его темные волосы уже густо подернула седина. И каждую минуту своего бодрствования он неизменно оставался настороже.

Лео понимал, что больше ничего не может сделать для Лори. У нее была работа, которую она любила и которая была нужна ей, как воздух. Она ездила общественным транспортом, совершала долгие пробежки трусцой в Центральном парке, а в теплую погоду часто усаживалась пообедать в одном из сквериков вблизи студии.

Другое дело – Тимми. Лео полагал, что ничто не помешает убийце Грега прийти сначала за Тимми, поэтому Фэрли сам себя назначил телохранителем внука. Он провожал Тимми в школу Сент-Дэвид каждое утро и ждал его возле школы по окончании уроков. Если после школы Тимми надо было пойти еще куда-то, Лео неотступно стоял на страже возле катка или игровой площадки.

Для Лео Грег Моран был образцом того, каким он хотел бы видеть своего сына – если бы у него был сын. Прошло уже десять лет с тех пор, как они встретились в отделении «Скорой помощи» больницы Ленокс-Хилл. Лео и Эйлин в панике примчались туда, когда им сообщили по телефону, что их двадцатилетняя дочь Лори была сбита такси на Парк-авеню и в бессознательном состоянии доставлена в клинику.

Грег, высокий и внушительный даже в зеленом медицинском халате, встретил их ободряющими словами: «Она пришла в себя, с нею все будет в порядке. Сломанная лодыжка и сотрясение мозга. Мы некоторое время подержим ее под наблюдением, но она поправится».

Услышав это, Эйлин, пребывавшая вне себя от тревоги за своего единственного ребенка, упала в обморок, и Грег, не сходя с места, получил еще одну пациентку. Он быстро подхватил Эйлин, не дав ей сползти на пол. «С тех пор он вошел в нашу жизнь, – подумал Лео. – Они с Лори объявили о помолвке три месяца спустя. А когда всего через год Эйлин умерла, Грег был нашей опорой в скорби».

Зачем кому-то понадобилось его убивать? Дотошные следователи перевероршили все в поисках того, кто мог затаить обиду на Грега, каким бы нелепым это ни казалось всем, кто его знал. После того, как они быстро исключили из круга подозреваемых его друзей и бывших соучеников, были подняты записи в двух больницах, где Грег работал ординатором и директором по персоналу, – проверить, не обвинял ли его кто-либо из пациентов или их родственников в ошибочном диагнозе или неверно назначенном лечении, приведшем к инвалидности или смерти. Но ничего так и не нашли.

В окружной прокуратуре это дело получило название «Синеглазый убийца». Иногда на лице Тимми возникало выражение тревоги – если он вдруг случайно оборачивался и встречался взглядом с Лео. Глаза у деда были голубые, выцветшие с возрастом. Он был уверен – а Лори и психолог согласились с ним, – что у убийцы Грега были большие ярко-синие глаза.

Лори обсуждала с отцом концепцию новой передачи, которая должна была начаться с обсуждения убийства на «Выпускном празднике». Лео постарался скрыть беспокойство. Мысль о том, что дочь соберет вместе людей, один из которых, вероятно, совершил когда-то убийство, тревожила его. Кто-то ненавидел Бетси Боннер Пауэлл настолько, что прижал к ее лицу подушку и удерживал до тех пор, пока женщина не перестала дышать. И этот человек, вероятно, много думал о собственной безопасности. Лео знал, что двадцать лет назад всех девушек, равно как и мужа Бетси, допрашивали лучшие детективы отдела по раскрытию убийств. Если передача будет одобрена, то убийца и подозреваемые – если только преступником не был посторонний, сумевший как-то проникнуть в дом, – снова соберутся вместе. Опасная перспектива.

Лео обдумывал все это, пока они с Тимми шли восемь кварталов от школы Сент-Дэвид на Восемьдесят девятой улице близ Пятой авеню до дома, расположенного на перекрестке Лексингтон-авеню и Девяносто четвертой улицы. После смерти Грега Лори сразу съехала с прежней квартиры, не в силах

видеть ту игровую площадку, где убили ее мужа.

Проезжавшая патрульная машина притормозила, и офицер, сидящий на пассажирском месте, отсалютовал Лео.

– Мне нравится, когда они так делают, дедушка, – заявил Тимми и небрежно добавил: – Мне так спокойнее.

«Нужна осторожность, – предупредил себя Лео. – Я всегда говорил Тимми, что, если меня нет рядом, а у него или его друзей возникнут проблемы, надо бежать к полицейскому и просить помощи». Он неосознанно сжал крепче руку Тимми.

– Нет такой проблемы, которую я не мог бы решить ради тебя, – заверил он внука, потом поправился: – Ну, по крайней мере, насколько я знаю.

Они шли в северном направлении по Лексингтон-авеню. Ветер сменился и теперь обжигал холодом их лица. Лео остановится и поправил шерстяную шапку Тимми так, чтобы она закрывала лоб и уши мальчика.

– Один парень из восьмого класса сегодня утром шел в школу, а какой-то тип на мотоцикле попытался выхватить у него из рук мобильник, – поведал Тимми. – Полицейский видел это и задержал того типа.

В этом инциденте не был замешан человек с синими глазами. Лео стыдно было признавать, но от этого ему стало спокойнее. Пока убийца Грега не будет арестован, Фэрли нужно было знать, что Лори и Тимми в безопасности.

«Когда-нибудь правосудие восторжествует», – поклялся он про себя.

В это утро, спеша умчаться на работу всего несколько секунд спустя после того, как он пришел, Лори сообщила, что сегодня решается вопрос о выходе задуманного ею реалити-шоу. Лео не оставляли тревожные мысли об этом. Он знал, что новостей ему придется ждать до вечера. Когда Тимми поужинает и устроится в большом кресле с книжкой, то Лори за второй чашкой кофе обсудит с отцом свою работу. А потом он пойдет к себе на квартиру, расположенную в квартале оттуда. Он всегда хотел, чтобы у Лори и Тимми было свое жилье, и его радовал тот факт, что никто не сможет пройти мимо консьержа в их подъезде,

если кто-то из жильцов не подтвердит по телефону, что ждет именно этого человека в гости.

«Если она получит разрешение выпускать эту передачу, это будет плохая новость», – подумал Лео.

Мужчина в свитере с капюшоном, в темных очках и с холщовой сумкой на плече вынырнул словно ниоткуда и промчался мимо них на роликовых коньках, едва не врезавшись в Тимми, а затем задев беременную молодую женщину, шедшую в десяти впереди деда и внука.

– Пошел прочь с тротуара! – заорал Лео.

Роллер обогнул угол и скрылся.

За темными стеклами очков блеснули ярко-синие глаза, и роллер рассмеялся вслух.

Такие встречи были нужны ему, чтобы подпитать ощущение власти и силы, которое он испытывал, буквально касаясь Тимми и зная, что в любой день может осуществить свою угрозу.

3

Роберту Николасу Пауэллу было уже семьдесят восемь лет, но по виду и манере двигаться ему можно было дать лет на десять меньше. Седые, но ничуть не поредевшие волосы гармонировали с красивым, волевым лицом. Держался он по-прежнему прямо, так что казался выше своих шести футов. Была в нем некая властность, которую сразу же ощущали все, кто оказывался рядом. Каждый день, за исключением пятницы, он работал в своем офисе на Уолл-стрит. На работу и домой его отвозил Джош Дамиано, работавший у Пауэлла много лет.

В этот день – вторник, 16 марта, – Роб решил остаться дома, чтобы встреча с телепродюсером Лори Моран прошла здесь, в Салем-Ридж, а не в его рабочем кабинете. Моран назвала Пауэллу причину своего визита и сопровождала свои

слова интригующим выводом: «Мистер Пауэлл, я полагаю, что если вы, ваша падчерица и ее подруги согласитесь воссоздать ход событий «Выпускного праздника», то общественность поймет, как нелепо было бы винить кого-либо из вас в смерти вашей жены. Ваш брак был счастливым. Это знали все, кто был знаком с вами. Ваша падчерица и ее мать были очень близки. Три другие выпускницы часто приходили в гости в дом Бетси, еще когда учились в школе, и потом, когда вы с Бетси поженились, вы всегда принимали их хорошо. У вас был очень большой дом, и, учитывая, сколько гостей было на празднике, есть вероятность, что кто-то посторонний остался незамеченным. У вашей жены, как известно, были великолепные и дорогие украшения. В тот вечер она надела серьги и кольцо с изумрудами».

«Пресса превратила эту трагедию в скандал», – вспомнил Пауэлл свой горький ответ на слова Лори Моран. Что ж, скоро она будет здесь, подумал он. Пусть так.

Он сидел за рабочим столом в своем просторном кабинете на первом этаже. Большие окна выходили в сад, растущий за домом. «Отсюда открывается прекрасный вид весной, летом и ранней осенью», – подумал Роб. Зимой наготу пейзажа скрывал снег, мягкость, а временами даже некое волшебное очарование. Но сейчас, в промозглый, холодный и пасмурный день марта, когда деревья стоят голые, бассейн покрыт льдом и купальня закрыта, ничто не может смягчить суровую реальность замерзшего сада.

Мягкое рабочее кресло было очень удобным, и Роб, улыбаясь про себя, подумал о тайне, которой он не делился ни с кем. Он был уверен, что этот впечатляющий антикварный стол красного дерева, с изящной резьбой, тянущейся по бокам столешницы и ножкам, добавляет еще больше престижности его тщательно культивируемому имиджу. Пауэлл начал работать над этим имиджем в тот день, когда в возрасте семнадцати лет покинул Детройт, чтобы поступить на первый курс Гарварда. Там он говорил всем, что его мать – профессор колледжа, а отец – инженер, хотя на самом деле она была посудомойкой в столовой Мичиганского университета, а он – механиком на заводе Форда.

Роб улыбнулся, вспоминая, как на втором году обучения купил книгу по застольному этикету, приобрел коробку изрядно подержанного столового серебра и стал учиться обращению с незнакомыми приборами, такими, как нож для рыбы, – и так до тех пор, пока не овладел этим искусством в совершенстве. После выпуска он стажировался в банке «Меррил Линч», и так началась его карьера в финансовом мире. И сейчас, несмотря на несколько трудных лет,

выпавших в его жизни, «Частный фонд Р.Н. Пауэлла» считался одним из самых лучших и надежных инвестиционных предприятий на Уолл-стрит.

Ровно в одиннадцать часов прозвенел звонок у парадной двери, извещая о прибытии Лори Моран. Роб расправил плечи. Конечно, он встанет, когда ее сопроводят в его кабинет, – но не раньше, чем она увидит его сидящим за столом. Только теперь он осознал, с каким любопытством он ждал визита журналистки. По телефонному разговору трудно было определить ее возраст. В разговоре она представилась строгим, формальным тоном, но когда заговорила о смерти Бетси, в голосе ее проскользнула нотка сочувствия.

После этой беседы по телефону он поискал в Интернете сведения о Лори. Тот факт, что она была вдовой врача, застреленного на игровой площадке, и довольно известным продюсером телепередач, заинтриговал его. Судя по фотографиям, она была очень привлекательной женщиной. «Я не настолько стар, чтобы не оценить это», – подумал Роб.

В дверь кабинета постучали, и Джейн, служившая у Пауэлла экономкой со времен его женитьбы на Бетси, вошла, сопровождаемая Лори Моран.

– Спасибо, Джейн, – сказал Роб и подождал, пока экономка уйдет, закрыв за собой дверь, и лишь затем встал. – Здравствуйте, миссис Моран, – поприветствовал он посетительницу, а затем плавным жестом указал на кресло по другую сторону своего рабочего стола.

Роберт Пауэлл не знал, что Лори, с дружелюбной улыбкой опускаясь в кресло, деловито думала: «То, что надо». Она была одета в темно-синий брючный костюм с тонкими полосками, белую облегающую блузку и темно-синие кожаные сапожки. Единственными ее украшениями была пара жемчужных серег и золотое обручальное кольцо. Волосы она собрала на затылке в узел – такой стиль казался ей наиболее подходящим для деловой обстановки.

Через пять минут разговора Лори была уверена, что Роберт Пауэлл уже согласится участвовать в программе, но только через десять минут он сам признал это.

– Мистер Пауэлл, я в восторге от того, что вы не против позволить нам воссоздать вечер «Выпускного праздника». Теперь, конечно же, нам нужно согласие вашей падчерицы и ее подруг. Вы можете мне убедить их принять участие?

– С радостью сделаю это, хотя, конечно, не могу заставить никого из них.

– После того, как ваша жена умерла, ваши отношения с приемной дочерью стали теплее?

– Нет. Не то чтобы я не желал подружиться с Клэр. Она жила здесь с тринадцати лет и до двадцати одного года. Смерть матери ужасно потрясла ее. Не знаю, насколько тщательно вы изучили ее прошлое, но ее мать и отец не состояли в браке. Он уехал, когда Бетси была беременна Клэр. Бетси играла мелкие роли в театре на Бродвее, а когда ролей не было, работала там же билетершей. Ей и Клэр приходилось трудно, пока не появился я. – Потом он добавил: – Бетси была очень красива. Я уверен, что она без труда могла выйти замуж за время, прошедшее с рождения дочери до нашей встречи, но отношения с отцом Бетси и его последующее бегство заставили ее бояться мужчин.

– Я могу это понять, – подтвердила Лори, кивая.

– Я тоже. Своих детей у меня никогда не было, и я относился к Клэр как к родной дочери. Мне было горько, когда она уехала так скоро после смерти Бетси. Но мне кажется, что скорбь, которую мы чувствовали оба, была слишком велика, чтобы поместиться под одной крышей, и девочка сразу же ощутила это. Вы наверняка знаете, что она живет в Чикаго, трудится социальным работником. Замуж она так и не вышла.

– И никогда не возвращалась сюда?

– Нет. И не принимала мои предложения помочь ей деньгами. Мои письма она отсылала обратно – разорванными.

– Как вы думаете, почему она так поступала?

– Она яростно ревновала свою мать ко мне. Не забывайте, целых тринадцать лет они жили только вдвоем.

– Значит, вы полагаете, что она откажется принять участие в программе?

– Нет, вряд ли. Репортеры из желтой прессы время от времени писали об этом деле, и некоторые из них цитировали слова Клэр или кого-нибудь из ее подруг. Они всегда говорили одно и то же. Им всем кажется, что люди смотрят на них с вопросом и сомнением в глазах, и они хотели бы положить этому конец.

– Мы намерены предложить каждой из них пятьдесят тысяч долларов за участие в программе, – сообщила ему Лори.

– Я слежу за ними всеми. Каждой из них эти деньги будут большим подспорьем. Чтобы вернее заручиться их согласием, я даю вам полномочия сказать им, что готов заплатить по четверти миллиона долларов каждой из них за сотрудничество.

– Вы и вправду это сделаете? – воскликнула Лори.

– Да. И скажите мне, кого еще вы хотели бы опросить в вашей передаче?

– Конечно, я хочу задать вопросы вашей экономке, – ответила Лори.

– Заплатите ей пятьдесят тысяч, как и другим, и я дам вам еще пятьдесят. Я уверен, что она согласится. Нет необходимости, чтобы ей платили столько же, сколько остальным. Мне семьдесят восемь лет, и в артериях, питающих мое сердце, стоят три стента. Я знаю, что я под подозрением, как и девочки, – или теперь это называется «в поле зрения»? И мое горячее желание – до того, как я умру, присутствовать в зале суда и увидеть, как убийце Бетси дадут тюремный срок.

– Вы не слышали никаких звуков из ее комнаты?

– Нет. Но вы наверняка знаете, что наши комнаты представляли собой анфиладу. Посередине гостиная, по обе стороны от нее – наши спальни. Признаться, я крепко сплю и порой громко храплю. Когда мы пожелали друг другу спокойной

ночи, я ушел в свою спальню.

В тот вечер Лори дождалась, пока Тимми с головой погрузится в книгу о Гарри Поттере, и рассказала отцу о встрече с Пауэллом.

– Я знаю, что мне не следует пока что выносить суждение, но я слышала искренность в голосе Пауэлла, когда он рассказывал об этом, – сказала Лори. – А его предложение заплатить девушкам по четверти миллиона долларов просто великолепно.

– Четверть миллиона долларов плюс гонорар от студии, – повторил Лео. – Ты говоришь, Пауэлл знает, что все четыре женщины найдут применение этим деньгам?

– Да, так он и сказал. – Лори сознавала, что это звучит так, словно она защищается.

– Помогал ли Пауэлл кому-либо из них в эти годы, включая свою падчерицу?

– Он нарочно отметил, что не помогал.

– Думаю, ты должна пристально рассмотреть этот вопрос. Кто знает, каков может быть его подлинный мотив для выплаты таких денег?

Лео не мог не ставить под сомнение намерения людей. В нем говорил полицейский. И отец. И дед.

Высказав это, он решил выпить кофе и пойти домой. «Я становлюсь слишком дерганным, – думал он, – и это не принесет добра ни Лори, ни Тимми. Взять хотя бы то, как я наорал на того типа на роликах. Я был прав, он мог причинить кому-нибудь вред, но ведь на самом деле меня напугало то, что он задел Тимми. Если бы у него был нож или пистолет, то я не смог бы защитить Тимми от такого неожиданного нападения, даже держа за руку».

Лео осознавал невеселый факт: если убийца питает против кого-то злые намерения, то никакая защита или бдительность не помешают ему

удовлетворить потребность в убийстве избранной жертвы.

4

Клэр Боннер опустилась за столик в баре «Морские деликатесы» при отеле «Брейкерс» в Палм-Бич. Она сидела лицом к океану и с отстраненным интересом смотрела, как волны разбиваются о подпорную стену прямо под баром. Солнце светило ярко, но дул резкий ветер – холоднее, чем она ожидала от Флориды ранней весной.

Клэр была одета в только что купленную голубую куртку на «молнии». Она купила ее, когда увидела, что на нагрудном кармане вышито название «Брейкерс». Это была одна из ее фантазий – провести здесь долгий уик-энд. Короткие светло-пепельные волосы обрамляли лицо, полускрытое огромными солнечными очками. Клэр редко снимала эти очки. Однако когда она появлялась без них, каждый мог отметить правильные черты ее лица и безмятежное выражение, которого она добилась за годы упорной работы. Проницательный наблюдатель мог догадаться, что эта безмятежность порождена скорее принятием реальности, нежели внутренним покоем. Стройная фигура Клэр казалась даже хрупкой, как будто женщина недавно оправилась от болезни. Тот же самый внимательный наблюдатель предположил бы, что ей около тридцати пяти лет. Но в этом случае он был бы не прав. Клэр Боннер исполнился сорок один год.

В последние четыре дня ее обслуживал один и тот же вежливый молодой официант, и сейчас, подходя к ее столику, он поприветствовал ее.

– Позвольте предположить, мисс Боннер: суп из моллюсков и два больших каменных краба?

– Вы угадали, – ответила Клэр, и по губам ее скользнула мимолетная улыбка.

– И, как обычно, бокал шардонне, – добавил он, записывая в блокнотик ее заказ.

«Делаешь что-нибудь несколько дней подряд, и оно уже становится обычным», – мелькнула у нее саркастичная мысль.

Почти сразу же на столик перед ней поставили шардонне. Женщина взяла бокал и отпила вина, обводя взглядом бар.

Все обедающие были одеты неформально, но, тем не менее, было видно: это дизайнерская одежда. Отель «Брейкерс» был дорогим, здесь селились состоятельные люди. Шла Пасхальная неделя, и школы по всей стране не работали. За завтраком Клэр видела в зале семьи с детьми, обычно в сопровождении нянь, которые умело отвлекали неугомонных малышей, чтобы родители могли спокойно наслаждаться роскошными блюдами.

Публика, собиравшаяся в баре в обед, почти полностью состояла из взрослых. Гуляя по окрестностям, Клэр отметила, что молодые семьи предпочитали кафе у бассейна, где выбор блюд был более обширным.

«Каково это – ездить сюда на каникулы каждый год, с самого детства?» – задумалась Клэр. Потом она попыталась прогнать воспоминания о том, как каждый вечер засыпала в полупустом театре, где ее мать работала билетершей. Конечно, это было до того, как на их жизненном пути встретился Роберт Пауэлл, но к тому времени детство Клэр почти миновало.

Пока эти мысли теснились у нее в голове, две четы, все еще в дорожной одежде, заняли столик рядом с нею. Клэр слышала, как одна из женщин с довольным вздохом произнесла:

– Как славно вернуться!

«Я буду притворяться, что тоже вернулась, – подумала Клэр. – Я буду делать вид, что каждый год занимаю один и тот же номер окнами на океан и предвкушаю долгие прогулки по морскому берегу перед завтраком».

Официант принес тарелку с супом из моллюсков.

– Очень горячий, как вы любите, мисс Боннер, – пояснил он.

В первый же день она попросила подать суп очень горячим, а крабов принести на второе. Официант и это требование занес в память.

Первый глоток супа едва не сжег ей нёбо, и она помешала остальную жидкость в миске, представлявшей собой выдолбленный каравай хлеба, – так быстрее остынет. Потом снова взяла бокал и сделала большой глоток шардонне. Вино оказалось терпким и сухим, как и ожидала Клэр. Таков же был его вкус последние несколько дней.

Ветер снаружи усилился, теперь он превращал разбивающиеся о камень волны в облака брызг, рушащихся вниз дождем.

Клэр поняла, что сама ощущает себя подобной одной из этих волн – она пытается достичь берега, но полностью отдана во власть крепчающего ветра. И все же она по-прежнему могла выбирать. Она всегда могла сказать «нет». Она годами говорила «нет» возвращению в дом отчима. И страстно не желала соглашаться сейчас. Никто не может заставить ее прийти в студию Национального кабельного телевидения и принять участие в шоу, воспроизводящем вечеринку и последовавшую за нею ночь двадцатилетней давности, когда четыре лучшие подруги отмечали свой выпуск из колледжа.

Но если она примет участие в этом шоу, производственная компания заплатит ей пятьдесят тысяч долларов и еще двести пятьдесят тысяч долларов даст Роб.

Триста тысяч долларов. Это означает, что она сможет взять отпуск на своей работе в чикагской Службе помощи детям и семейным людям. Пневмония, которую она перенесла в январе, едва не убила ее, и Клэр все еще ощущала себя слабой и усталой. Она никогда не принимала деньги, которые предлагал ей Пауэлл. Ни единого цента. Она рвала его письма и отсылала их обратно отправителю. За то, что он сделал.

Они хотят назвать это шоу «Выпускной праздник». «Это была прекрасная вечеринка, – подумала Клэр, – чудесная вечеринка. А потом Элисон, Регина и Нина остались у нас на ночь. И в эту ночь была убита моя мать. Бетси Боннер Пауэлл, красивая, жизнерадостная, щедрая, веселая, всеми любимая Бетси. Я глубоко презирала ее, – думала Клэр. – Я адски ненавидела свою мать и терпеть не могла ее любимого муженька, пусть он и пытается до сих пор посылать мне деньги».

Регина Коллари очень жалела, что зашла на почту и забрала заказное письмо от Лори Моран, продюсера студии «Фишер Блейк». «Меня приглашают принять участие в воссоздании ночи «Выпускного праздника!» – думала Регина с раздражением. Честно говоря, она была потрясена.

Это письмо настолько выбило ее из колеи, что она провалила сделку. Мямлила что-то невнятное, расписывая достоинства дома, который показывала потенциальному покупателю, и на половине осмотра клиент резко оборвал ее, сказав:

– Кажется, я видел достаточно. Это не такой дом, какой я ищу.

По возвращении в офис Регина вынуждена была позвонить владелице дома, семидесятишестилетней Бриджет Уайтинг, и сообщить ей, что вышла ошибка.

– Я была уверена, что у нас есть хорошая возможность сделки, но ничего не получилось, – извинялась Регина.

Разочарование Бриджет было ощутимо по тону:

– Я не знаю, как долго будут удерживать за мной квартиру в доме престарелых, а ведь я подыскала именно то, что хочу. О боже, Регина, наверное, я ожидала от продажи слишком многого. Это не ваша вина.

«Но вина-то моя», – думала Регина, стараясь сдержать гнев и спокойным тоном заверяя Бриджет, что постарается побыстрее найти покупателя, хотя ситуация на рынке жилья, конечно, сложная. Затем попрощалась и повесила трубку.

Ее офис, бывший однокомнатный гараж, некогда был частью особняка на главной улице Сент-Огастина во Флориде. Конечно, положение с торговлей недвижимостью сейчас не настолько шаткое, как пару лет назад, но Регине от этого не стало лучше – ей едва хватает средств, чтобы выжить.

Опершись локтями на стол, она прижала пальцы к вискам. Кудрявые пряди, попавшие под пальцы, напомнили ей о том, что ее полуночно-черные волосы отрастают с обычной раздражающей быстротой и что пора бы уже записаться на стрижку. Однако делать этого не хотелось – помимо цены, останавливал тот факт, что парикмахерша, как обычно, будет болтать, не умолкая, в течение всего сеанса.

Эта глупая отговорка заставила Регину разозлиться на себя и на свою вечную нетерпимость. «Что с того, что Лина будет чирикать без умолку двадцать минут подряд? – спросила она себя. – Ведь только она может привести в порядок твою буйную шевелюру».

Взгляд темно-карих глаз Регины обратился на стоящую на столе фотографию. Со снимка ей улыбался Зак, ее девятнадцатилетний сын. Он только что закончил второй год обучения в Пенсильванском университете. Его образование полностью оплатил его отец, бывший муж Регины. Зак звонил вчера вечером. Помявшись, он спросил у матери, не будет ли она против, если он этим летом совершит туристическую поездку по Европе и Среднему Востоку? Он хотел приехать домой и найти какую-нибудь подработку на лето, но в Сент-Огастине с работой сложно. Поездка обойдется не так дорого, к тому же ее профинансирует отец.

– Я вернусь за десять дней до начала следующего семестра и побуду с тобой, мама, – заверил Зак, и в голосе его звучала мольба.

Регина ответила, что это великолепная возможность и что он не должен упускать свой шанс. Она старалась, чтобы ни единая нотка разочарования не проскользнула в ее тоне. Регина скучала по Заку. Скучала по милому мальчику, который врывался в ее офис, сойдя со школьного автобуса, и с жаром выкладывал все, что произошло с ним за день. Скучала по застенчивому долговязому подростку, который ждал ее и готовил ужин, если она слишком уж задерживалась на работе.

С самого развода Эрл изобретал все новые и новые уловки, чтобы разлучить ее с сыном. Это началось, когда в десять лет Зак поехал на лето в лагерь для яхтсменов на Кейп-Код. За поездкой в лагерь последовали каникулы, во время которых Эрл и его новая жена возили Зака в Швейцарию или в Южную Францию.

Регина знала, что сын любит ее, но маленький домик и скудный бюджет не могли сравниться с жизнью, которую вел его состоятельный папаша. А теперь Зак уезжает почти на все лето.

Регина неспешно протянула руку за письмом от Моран и перечитала его.

– Она заплатит пятьдесят тысяч, а могущественный Роберт Николас Пауэлл добавит для каждой из нас еще двести пятьдесят тысяч баксов, – пробормотала она вслух. – Прямо мистер Благотворительность.

Она подумала о свои подругах, бывших вместе с нею звездами «Выпускного праздника».

«Клэр Боннер. Она была красивой, но всегда такой застенчивой, словно тусклая тень рядом со своей блистательной матерью. Элисон Шефер, такая умная, что всем нам было просто стыдно. Мы думали, она станет новой Марией Кюри. Она вышла замуж в октябре, вскоре после смерти Бетси, а потом Род, ее муж, попал в аварию. Насколько я помню, он так до сих пор и передвигается на костылях. Нина Крэйг. Мы называли ее «пламенной рыжей». Я с раннего детства знала – если она на тебя разозлится, то берегись. А если ей казалось, что она получила недостаточно хорошую оценку за эссе, она могла уболтать даже учителя».

Регина вздохнула и продолжила размышлять:

«И я. Когда мне было пятнадцать лет, я открыла гараж, чтобы поставить туда свой велосипед, и обнаружила отца, повесившегося там. Глаза его выкатились, а язык свисал на подбородок. Если ему так приспичило повеситься, почему он не сделал это в своем кабинете? Он знал, что это я найду его в гараже. Я так его любила! Как он мог так поступить со мной?»

С тех пор ее не покидали кошмары, которые всегда начинались с того, что она собиралась прокатиться на велосипеде.

Прежде чем Регина позвонила в полицию и в дом к соседям, где ее мать играла в бридж, она забрала предсмертную записку, которую отец приколот к своей рубашке, и спрятала ее. Приехавшие полицейские сказали, что большинство самоубийц оставляют письма родным. Мать Регины, рыдая, искала письмо по всему дому, а девочка притворялась, что помогает ей.

«После этого подруги стали моим спасательным кругом, – думала Регина. – Мы так тесно дружили! После праздника и смерти Бетси мы с Клэр и Ниной были свадебными подружками Элисон. Это был глупый поступок. Свадьба произошла слишком вскоре после того, как умерла Бетси, и пресса сделала из этого события спектакль. Все газеты вспоминали об убийстве на «Выпускном празднике». Именно тогда мы осознали, что все четверо будем под подозрением – вероятно, до конца жизни.

Больше мы не встречались, – с горечью припомнила Регина. – После свадьбы мы разбежались и не поддерживали никаких контактов друг с другом. Мы все разъехались в разные города. Каково будет снова увидеть их всех, оказаться вновь под одной крышей? Мы тогда были так молоды, так потрясены и испуганы, когда нашли тело Бетси. А потом нас допрашивала полиция – сначала вместе, потом по отдельности. Они так на нас давили, просто чудо, что никто не сломался и не признался, лишь бы избавиться от этого давления. «Мы знаем, что это сделал кто-то, находившийся в доме. Кто из вас это сделал? Если не ты, может быть, одна из твоих подруг? Защити себя. Расскажи нам все, что ты знаешь».

Регине вспомнилось, как полиция гадала: не сыграли ли в этом роль изумруды Бетси. Ложась спать, женщина оставила их на стеклянном подносе, стоящем на прикроватном столике. Следователи предположили, что она проснулась во время ограбления, и грабитель мог запаниковать. Одна из сережек валялась на полу. Уронила ли ее сама Бетси, снимая, или кто-то, одетый в перчатки, взял серьгу с подноса и уронил, когда понял, что хозяйка пробудилась?

Регина медленно встала из-за стола и обвела взглядом помещение. Она пыталась представить себе, каково это, когда на твоём банковском счету лежат триста тысяч долларов. «Почти половина из этого уйдет на налоги», – напонила она себе. Но даже оставшееся – почти невообразимый подарок судьбы. Может быть, ей удастся вспомнить былое, когда ее отец был таким успешным и у них, как у Роберта и Бетси Пауэлл, был большой дом в Салем-Ридж со всеми удобствами, а при доме – экономка, повар, садовник, шофер, и продукты для частых вечеринок им поставляла крупная нью-йоркская фирма...

Регина продолжала озирать свой однокомнатный офис по продаже недвижимости. Гипсокартонные стены были окрашены в голубой цвет, гармонировавший с ее белым рабочим столом и белыми креслами с голубой

обивкой для потенциальных клиентов. Но, тем не менее, помещение выглядело именно тем, чем и было: отважной попыткой замаскировать тощий бюджет. «Гараж есть гараж, – думала она, – если не считать одной роскошной детали, которую я привнесла, когда купила этот особнячок после развода».

Роскошь размещалась дальше по коридору, за общим туалетом. За дверью, лишенной каких-либо обозначений и всегда запертой, находилась ее личная ванная комната с джакузи, паровым душем, раковиной со шкафчиком под ней и маленьким гардеробом. Ванная была нужна, чтобы иногда после рабочего дня Регина могла принять душ, переодеться, а потом пойти погулять с подругами или одна, пообедать в ресторане, сходить в кино.

Эрл бросил ее десять лет назад, когда Заку было девять. Он не смог больше выдерживать приступы ее депрессии. «Обратись к врачу, Регина. Я устал от твоего дурного настроения. Я устал от кошмаров. Это не приносит ничего хорошего нашему сыну, если ты не заметила».

После развода Эрл, торговавший тогда компьютерами и в качестве хобби сочинявший песни, смог наконец продать коллекцию своей музыки известному исполнителю. Затем женился на подающей надежде рок-певице Соне Майлз. Когда Соня добилась популярности с альбомом, который он для нее написал, Эрл стал знаменитостью в том мире, куда так стремился. «Он чувствует себя в этой жизни как рыба в воде», – подумала Регина, подойдя к картотеке, притулившейся у противоположной стены кабинета.

Со дна запертого ящика она достала пакет без каких-либо пометок. В картонной коробке, погребенной под ворохом объявлений о продаже недвижимости, хранились все газетные вырезки об убийстве на «Выпускном празднике».

«Я не заглядывала в нее много лет», – думала Регина, ставя коробку на свой рабочий стол и открывая ее. Некоторые вырезки уже пожелтели и стали ломкими по краям, но в итоге женщина нашла то, что искала. Это была фотография Бетси и Роберта Пауэлл, поднимающих тост за четырех выпускниц: Клэр, Элисон, Нину и саму Регину.

«Мы были такими милыми, – размышляла Регина с горечью. – Я помню, как мы вместе ходили покупать платья. Мы все закончили колледж с хорошими оценками. У нас были планы и надежды на будущее. И все они рухнули в ту

ночь».

Регина уложила вырезки обратно в коробку, отнесла ее к картотеке и уложила в нижний ящик, тщательно спрятав под объявлениями. «Я намерена взять его чертовы деньги, – думала она. – И деньги этой продюсерши. Быть может, тогда я что-то смогу сделать со своей жизнью. Я знаю, как использовать часть этих денег, чтобы обеспечить Заку хорошие каникулы, прежде чем он вернется в университет».

Она захлопнула ящик, вывесила в окне офиса табличку «Закрывается», выключила свет, заперла дверь и отправилась в свою личную ванную комнату. Пока в джакузи лилась вода, Регина разделась и посмотрела на себя в ростовое зеркало, висящее на двери. «До шоу осталось два месяца, – подумала она, – и мне нужно скинуть двадцать фунтов. Я хочу выглядеть хорошо, когда буду сидеть там и рассказывать о том, что помню. Я хочу, чтобы Зак гордился мною».

В голову ей закралась непрошенная мысль: «Я знаю, что Эрл всегда гадал, не я ли убила Бетси. Не заронил ли он это подозрение в душу Зака?»

Регина знала, что больше не любит Эрла и не хочет его, но еще сильнее она не хотела больше видеть кошмарные сны.

Джакузи наполнилось водой. Регина залезла в него, откинулась на стенку и закрыла глаза. Кудрявые черные волосы намокли, выпрямились и прилипли к ее щекам.

«Мне дается шанс убедить всех, что это не я убила поганую шлюху», – думала Регина.

6

Род Кимболл расписался за заказное письмо и вскрыл его, пока его жена, Элисон, была занята записями в рецепте. Когда посетитель ушел, она поспешила забрать письмо у мужа.

– Кто мог прислать нам заказное письмо? – встревоженно спросила Элисон, выхватила конверт, развернулась и такой же быстрой походкой вернулась за прилавок аптеки.

Род не успел ни слова сказать о том, что прочел. Он обеспокоенно смотрел, как лицо Элисон сначала покраснело, потом побледнело, по мере того как женщина пробежала глазами послание на двух страницах. Потом она уронила письмо на стойку.

– Я не могу снова пройти через все это! – воскликнула она дрожащим голосом. – Боже мой, они что, за дуру меня принимают?

– Успокойся, милая, – попросил Род.

Пытаясь не морщиться от боли, он сполз со стула за кассой и потянулся за костылями. За двадцать лет, прошедших с тех пор, как его сбила машина, боль стала для него неотъемлемой частью жизни. Но в некоторые дни, такие как этот сырой холодный день позднего марта в Кливленде, штат Огайо, она становилась куда более жестокой, чем обычно. Боль прочертила резкие морщины у глаз Рода и такие же резкие складки, идущие от уголков губ к волевому подбородку. Его волосы, некогда темно-каштановые, сейчас почти полностью поседели. Он знал, что выглядит старше своих сорока двух лет. Род подковылял к Элисон и остановился по другую сторону прилавка. При росте в шесть футов он был выше своей хрупкой жены почти на голову, и от этого у него сжималось сердце – так ему хотелось защитить ее.

– Ты не обязана делать то, что не хочешь делать, – твердо сказал он. – Порви это письмо.

– Нет. – Покачав головой, Элисон открыла ящик под прилавком и сунула письмо туда. – Я не могу сейчас говорить об этом, Род.

В этот момент прозвенел колокольчик на входной двери, извещая о том, что кто-то вошел в аптеку, и Род двинулся обратно к кассе.

Он был новичком-куотербеком в нью-йоркских «Гигантах»[2 - «Нью-Йорк Джаянтс» – профессиональный футбольный клуб (американский футбол). К у о т е р б е к – распасовщик, ключевая фигура в составе команды нападения.],

когда они с Элисон поженились. Его воспитывала мать, работавшая сиделкой у инвалидов, чтобы хоть как-то обеспечить сына. Его отец, безнадежный алкоголик, умер, когда мальчику было два года. Спортивные репортеры в один голос предвещали Роду блестящую карьеру, когда он подписал свой первый крупный контракт. Тогда им с Элисон было по двадцать два, он был влюблен в нее еще с детского сада. Именно тогда, в детсаду, он при всех объявил, что когда-нибудь женится на ней.

У семьи Элисон никогда не было денег. Ее отец был заведующим отделом в гастрономе. За учебу в колледже Элисон платила частично из студенческих займов, частично – деньгами от подработки. Она жила в самом захолустном районе Салем-Ридж, неподалеку от дома Рода Кимболла. Возможностей поступить в магистратуру у нее не было.

Он сделал ей официальное предложение в тот же день, когда получил на подпись крупный контракт с «Гигантами». Это было два месяца спустя после убийства Бетси. Род знал, что Элисон хотела поступить в медицинский институт и заниматься наукой. Он обещал, что после свадьбы заплатит за ее образование, будет ходить по дому на цыпочках, пока она учится, и согласен подождать с детьми до тех пор, пока она не получит научную степень, к которой так стремилась.

Но вместо этого через три недели после венчания он угодил под машину, и следующие четыре года Элисон почти все время провела у его постели, помогая ему выздороветь. Деньги, которые он получил за один сезон в «Гигантах», вскоре закончились.

Тогда Элисон взяла новую ссуду и вернулась к учебе, чтобы стать фармацевтом. Первая работа ей подвернулась благодаря тому, что ее престарелый бездетный кузен пригласил ее работать в его аптеке в Кливленде. «Род, там и тебе найдется дело, – сказал он. – Моя ассистентка увольняется. Она занимается тем, что заказывает все товары, кроме лекарств, и сидит на кассе».

Оба они были рады убраться подальше от Нью-Йорка, где им, похоже, было никогда не отделаться от слухов по поводу смерти Бетси. Через несколько лет после их переезда в Кливленд кузен ушел на пенсию, а аптека досталась им. Теперь у них было довольно много приятелей, и никто никогда не спрашивал ни Рода, ни Элисон об убийстве на «Выпускном празднике».

Прозвище «Род» прилипло к нему после того, как однажды во время футбольного матча, еще в колледже, комментатор охарактеризовал его так: «Этот паренек шустрый и прыгучий, как лошадь на родео». После несчастного случая Томас Кимболл по прозвищу Род сохранил за собою это имя – в знак некой горькой иронии.

Утро было достаточно спокойным, но после обеда посетители пошли валом. У Рода и Элисон было два помощника, работавших часть дня: старый фармацевт и служащий, который раскладывал товар по полкам и помогал в расчетах. Но даже несмотря на их помощь, день выдался трудным, и к восьми часам вечера, когда аптека закрылась, Род и Элисон страшно устали.

На улице шел холодный проливной дождь. Элисон настояла на том, чтобы к машине Род добрался на инвалидном кресле.

– Если ты попытаешься воспользоваться костылями, мы оба утонем, – пояснила она строгим тоном.

За эти годы он много раз пытался собраться с духом и сказать ей, чтобы она бросила его, нашла себе еще кого-нибудь и жила нормальной жизнью. Но так и не смог заставить себя произнести эти слова. Он не мог представить жизнь без нее, так же, как не мог вообразить этого за всю свою жизнь, с момента их знакомства.

Иногда он вспоминал замечание, брошенное когда-то его бабушкой: «В большинстве браков кто-то один любит больше, чем другой, и лучше, если это будет мужчина. Тогда у брака больше шансов сохраниться до конца жизни».

Роду не нужно было объяснять, что он любит Элисон сильнее, чем она его. Он был почти уверен, что она не приняла бы его предложение, если бы он не пообещал оплатить ее образование в мединституте. А затем, после катастрофы, она оказалась слишком благородной, чтобы уйти от него.

Род нечасто позволял себе пускаться в подобные размышления, но сегодняшнее письмо всколыхнуло слишком много воспоминаний – «Выпускной праздник», фотографии четырех девушек во всех газетах, цирк, который СМИ устроили из их свадьбы...

Когда они добрались до машины, Элисон сказала:

– Род, давай, я сяду за руль. Я знаю, что тебе нездоровится.

Держа над ним зонт, она открыла дверцу, и он без возражений перебрался на пассажирское сиденье. Одновременно складывать инвалидное кресло и прикрываться зонтиком было невозможно. Когда Элисон наконец села в машину, Род с грустью посмотрел на крупные капли дождя на ее лице и в волосах. Затем она повернулась к нему и заявила:

– Я намерена это сделать.

Тон ее был вызывающим, как будто она ожидала, что Род будет с нею спорить. Когда он ничего не сказал, Элисон выждала несколько долгих секунд, потом завела двигатель.

– Комментариев не будет?

Теперь он уловил в ее голосе легкую дрожь.

Род не собирался высказывать ей то, о чем подумал: что намокшие от дождя длинные каштановые волосы, разметавшиеся по плечам, делают ее такой молодой и уязвимой с виду. Род знал, что она боится. «Нет, – возразил он сам себе. – Она в ужасе».

– Если остальные согласятся принять участие в программе, а ты – нет, это будет нехорошо, – негромко произнес он. – Думаю, тебе следует поехать... нам следует поехать, – быстро поправился мужчина.

– В прошлый раз мне повезло. В этот раз может повезти меньше.

Остальную часть пути оба молчали. Их дом, выстроенный в стиле ранчо и переделанный так, чтобы Роду с его увечьем было удобнее, располагался в двадцати минутах езды от аптеки. Под дождь больше вылезать не пришлось – дверь гаража открывалась прямо в кухню. Зайдя в дом и сбросив мокрый плащ, Элисон опустила в кресло и спрятала лицо в ладонях.

– Род, я ужасно боюсь. Я тебе не говорила, но в ту ночь, когда мы все отправились спать, я думала только о том, как сильно ненавижу Бетси и Роба Пауэлл. – Она помедлила, потом с запинкой выговорила: – Я подумала... что в ту ночь могла ходить во сне... и забрести в спальню Бетси.

– Ты думаешь, что была в спальне Бетси в ту ночь?! – Род бросил костыли, придвинул кресло ближе к Элисон и уселся в него. – По-твоему, есть хоть какая-то вероятность, что тебя кто-то видел?

– Не знаю.

Элисон высвободилась из его объятий и повернулась к нему лицом. Ее светлоглазые глаза были настолько большими и выразительными, что затмевали остальные черты этого тонкого лица. А теперь, когда из этих глаз струились слезы, они казались особенно испуганными и беззащитными. А затем Род услышал вопрос, который никак не ожидал услышать из уст своей жены:

– Род, ведь ты всегда считал, что это я убила Бетси Пауэлл, разве не так?

– Ты с ума сошла? – спросил он. – Совсем рехнулась?

Но он и сам понимал, что этот его протест звучит лживо и неубедительно.

7

– Ну, ты уже решила, едешь или нет?

Нина Крэйг услышала этот вопрос, едва открыв дверь своей квартиры в Западном Голливуде. «О боже, она опять в одном из этих настроений», – подумала Нина, прикусив губу, чтобы удержаться от резкого ответа на вопрос своей шестидесятидвухлетней матери. Было половина шестого, и Нина сразу поняла, что Мюриэль Крэйг начала свою личную «вечеринку с коктейлями», не дожидаясь обычных пяти часов, и начала с кувшина яблочного мартини или бутылки вина.

Мюриэль все еще была одета в ночную рубашку и халат, и это означало, что когда бы она ни проснулась, с самого пробуждения она пребывала в депрессии, как это часто с нею бывало. «Это будет долгий вечер», – горько подумала Нина.

– Ты, лауреатка «Оскара», не хочешь отвечать? – саркастически спросила мать, заново наполняя свой стакан из почти пустой бутылки.

Десять лет назад Нина оставила всякую надежду когда-либо стать успешной актрисой и вступила в ряды статистов, неприметных людей, работающих на повседневной основе. Прибыв на площадку в пять утра, она провела весь день на съемках фильма про революцию и была одной из сотен статистов, несших транспаранты с лозунгами. Съемки проходили в пустыне близ Палм-Спрингс, и там было невероятно жарко.

– Я еще не знаю, что я собираюсь делать, мам, – ответила Нина, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Почему бы не поехать? Триста тысяч долларов – хорошие деньги. Я поеду с тобой. Я вовсе не против снова взглянуть лично на старого доброго Роберта Николаса Пауэлла.

Нина посмотрела на мать. Волосы Мюриэль, некогда естественного темно-рыжего цвета, как у самой Нины, теперь были окрашены в яркий огненный оттенок и ужасно смотрелись в сочетании с лицом старой женщины. Годы курения проложили на лице Мюриэль глубокие морщины, а кожу испещрили коричневые пятна. Сгорбившись, старуха подалась вперед и обеими руками обхватила стакан.

Глядя на нее, трудно было вообразить прекрасную женщину, бывшую в свое время одной из тех немногих актрис, у которых всегда была работа. «У нее был талант, в отличие от меня, – горько подумала Нина. – И посмотрите на нее теперь! – За этим последовала другая мысль: – Не хочу ввязываться во все это снова. Уже вечер, а я устала, и мне все это надоело».

– Мам, я хочу принять душ и переодеться во что-нибудь удобное, – сказала Нина. – А потом присоединюсь к тебе за стаканом вина.

– Возьми эти триста тысяч долларов, – прошипела ей мать. – И купи мне на них отдельную квартиру. Ты настолько же не желаешь жить со мной, насколько я не хочу быть здесь.

Мюриэль последовала за Ниной в Калифорнию после того, как ей все реже и реже стали давать роли в Нью-Йорке. Год назад она едва не погибла в пожаре, когда от сигареты, оброненной ею по неосторожности, загорелся ковер в гостиной двухквартирного дома в Лос-Анджелесе. Владельцы дома, у которых она снимала эту квартиру, отказались позволить ей снова вселиться туда, даже после того, как жилье было заново отремонтировано. «Это могло произойти и ночью, – сказал Нине хозяин дома. – Я больше не хочу рисковать».

И теперь мать жила в квартире Нины уже почти год. Она тоже работала статистом, но часто чувствовала себя не в состоянии ответить на предложение очередной работы.

«Я долго так не выдержу», – подумала Нина, закрыв и заперев дверь своей спальни. В нынешнем настроении мать вполне могла последовать за ней, чтобы продолжить спор о письме от продюсера.

В комнате было холодно и неудобно. Белые стены, полированные полы с белыми ковриками по обе стороны кровати, узкие яблочно-зеленые занавеси на окнах. Белизну покрывала подчеркивали такие же зеленые с белым подушки. Эта кровать и гармонирующее с нею трюмо остались Нине от ее десятилетнего брака с умеренно успешным актером, оказавшимся в итоге серийным мошенником. Хорошо, что у них не было детей.

Они развелись три года назад. «Я готова найти кого-нибудь еще, – думала Нина. – Но я не могу этого сделать, пока здесь торчит моя мать. Кто знает? Я все еще привлекательна. Если я поеду на это шоу, то, может быть, оно станет для меня шансом проявить себя и снова по-настоящему сниматься в фильмах или даже в каком-нибудь реалити-шоу. Я могу быть «отчаянной домохозяйкой»[3 - Речь идет о знаменитом американском телесериале «Отчаянные домохозяйки».] не хуже всех прочих.

И каково было бы снова увидеть Клэр, Регину и Элисон? Мы были такими детьми! Мы были ужасно напуганы. Копы искажали все наши слова. Мама закатила настоящее представление, когда ее спросили, правда ли то, что у нее были

любовные свидания с Пауэллом до того, как он встретил Бетси. «В то время я встречалась по меньшей мере с тремя мужчинами, – заявила она. – И он был одним из них». А я вот слышала от нее совсем другое, – угрюмо размышляла Нина. Мать винила ее в том, что она познакомила Бетси с Пауэллом. – Она грызла меня, пилила, обвиняла. Я только и слышала от нее, что якобы разрушила ее жизнь».

Мюриэль отвергла роль, которая сделала бы ее звездой, – отвергла потому, что Пауэлл не хотел, чтобы она была связана контрактом, когда они поженятся. Он так и сказал: «Когда мы поженимся».

Мюриэль постоянно припоминала это дочери вот уже много лет подряд.

Окунувшись в воспоминания, Нина ощутила жгучую ярость. Она подумала о ночи «Выпускного праздника». Ее мать отказалась прийти на вечеринку. «Это я должна была жить в том доме», – заявила она.

Бетси тоже не преминула кольнуть этим Нину. «Где же твоя мать? – спросила она. – Или она все еще злится, что Роб выбрал меня, а не ее?»

«Хорошо, что никто не слышал, как она задала мне этот вопрос в тот вечер, – думала Нина. – Это бросило бы на меня тень, когда на следующее утро Роберт Пауэлл обнаружил труп своей жены. Но если бы в тот момент в руках у меня была подушка, я бы с радостью прижала ее к лицу Бетси. Должно быть, в ту ночь я выпила слишком много. Даже не помню, как легла спать. Кажется, я даже сумела это скрыть, потому что никто об этом не упомянул, включая ту болтливую экономку, которая говорила потом, что Элисон, похоже, была пьяна».

Когда они все собрались в той спальне, Пауэлл рухнул на пол, а экономка подняла подушку с лица Бетси...

Мюриэль подергала за ручку двери с другой стороны.

– Я хочу с тобой поговорить! – крикнула она. – Я хочу, чтобы ты участвовала в той передаче!

Невероятным усилием Нина сумела скрыть свою ярость, крикнув в ответ:

– Мама, я принимаю душ! Все хорошо. Я приму это предложение и смогу купить тебе отдельное жилье.

«Пока я тебя не убила», – добавила она про себя. И потом вновь задумалась о том, что еще она не помнит о той ночи, когда была задушена Бетси Пауэлл.

8

Письма с согласием на участие в воссоздании событий «Выпускного праздника» приходили в офис Лори одно за другим. Последнее – от Нины Крэйг – прибыло почти через две недели. Начиналось письмо с того, что Нина посоветовалась с адвокатом и считает нужным выдвинуть дополнительные условия. Роберт Пауэлл должен положить на хранение в банке двести пятьдесят тысяч долларов для каждой из бывших выпускниц, и это должна быть чистая сумма, без налогов и вычетов. Студии «Фишер Блейк» тоже нужно выдать выпускницам пятьдесят тысяч как чистую сумму. «И мистер Пауэлл, и «Фишер Блейк» могут позволить себе честно компенсировать нам издержки, – писала Нина. – И теперь, связавшись с подругами детства, я осознала, что все мы понесли немалый эмоциональный ущерб от того, что находились в доме Пауэллов в ту ночь, когда Бетси Пауэлл лишилась жизни. Я считаю, что, согласившись снова предстать перед публикой в связи с этим делом, мы отказываемся от анонимности, которой с таким трудом добились за эти годы, и заслуживаем за это соответствующей компенсации».

Потрясенная, Лори еще раз прочла письмо.

– Такая сумма чистыми будет означать, что нам придется почти вдвое увеличить выплаченные деньги, – сказала она.

– Не думаю, что Бретт на это согласится. – Ровный тон Джерри Клейна не соответствовал разочарованию, отразившемуся на его лице. Это он расписался за заказное письмо от мисс Нины Крэйг и принес его в кабинет Лори.

– Ему придется на это пойти, – настаивала Лори. – И думаю, он согласится. Он уже разрекламировал эту передачу и вряд ли захочет сдать назад.

– Ну, рад он точно не будет. – Беспокойство на лице Джерри стало еще сильнее. – Лори, я надеюсь, ты не дойдешь до крайности с этой идеей передачи «Под подозрением».

– Я тоже на это надеюсь. – Лори посмотрела из окна на каток Рокфеллеровского центра. Стоял теплый день начала апреля, и на льду было всего несколько конькобежцев. Скоро каток растает, и площадку, где он был, заставят столами и стульями для обедов на свежем воздухе.

«Когда-то мы с Грегом часто обедали там», – подумала Лори, ощутив прилив горечи и тоски. Она знала, почему эти чувства пришли именно сейчас. Шоу было под угрозой срыва. Хотя Лори не собиралась показывать свои тревоги ни Джерри, ни Грейс, она знала, что Джерри прав. Проявив такой бурный энтузиазм в отношении проекта, ее босс, Бретт Янг, скорее удвоит цену, которую согласился заплатить участникам, чем сдаст назад. Но и не обрадуется этому.

– А что насчет Роберта Пауэлла? – спросил Джерри. – Думаешь, он проявит щедрость и заплатит налоги, чтобы они получили чистыми по двести пятьдесят штук?

– Я могу только спросить его, – отозвалась Лори. – И, думаю, лучше сделать это лично. Я позвоню и узнаю, не согласится ли он встретиться со мной сегодня.

– Может, сначала поговорить с Бреттом? – предложил Джерри.

– Нет. Бессмысленно дергать его, если дело не выгорит. Если Пауэлл откажется платить, мне придется лететь в Лос-Анджелес и пытаться убедить Нину Крэйг согласиться на наше предложение. Все остальные приняли начальные условия, но она явно настроила их на что-то большее.

– Что ты ей скажешь? – спросил Джерри.

– Правду. Если придется, мы выпустим программу без ее участия, и она при этом будет выглядеть не лучшим образом. И не забывай, что Бетси Боннер Пауэлл было сорок два года, когда она умерла. Сейчас ей было бы всего шестьдесят два или шестьдесят три. Многие люди сегодня доживают до восьмидесяти с лишним. У Бетси украли половину жизни, все эти годы, которыми она могла бы наслаждаться, если бы в ту ночь кто-то не задушил ее подушкой. Человек,

который это сделал, с тех пор просыпается каждое утро и радуется новому дню, в то время как кости Бетси лежат в гробу на кладбище.

Лори знала, что ее голос звучит гневно и страстно, и что эти чувства вызваны не только смертью Бетси Боннер Пауэлл. Их причиной была смерть Грега и тот факт, что его убийца все еще гуляет на свободе. И он не просто свободен – он живая угроза для нее и Тимми.

– Извини, Джерри, – добавила Лори. – Я знаю, что нужно быть осторожной и не давать повода для слухов о том, будто для меня это все – личная вендетта. – Она взяла телефон. – Пора назначить еще одну встречу с Робертом Николасом Пауэллом.

9

Роб Пауэлл находился на маленькой лужайке для гольфа позади своего особняка. Теплый апрельский день побудил его достать клюшки и потренироваться перед тем, как начать сезон в гольф-клубе «Уингд фут». Когда мяч, пущенный метким ударом, вкатился в самую нижнюю лунку, Пауэлл мысленно похвалил себя.

Он сосредоточился на игре в гольф, потому что это была возможность не думать о том, что врач так пока ничего и не сообщил. Химиотерапия, проведенная три года назад, похоже, убрала опухоль из легких Роба, но он знал, что всегда есть шанс рецидива. В начале недели он прошел рутинное обследование, которое проводилось раз в полгода.

– Все в порядке вещей, – произнес он вслух, направляясь обратно к дому и помахивая клюшкой для гольфа.

Пятнадцать минут до приезда гости. «Что на сей раз нужно Лори Моран? – спросил он себя. – У нее был встревоженный тон. Быть может, она собирается сказать мне, что одна из девочек не хочет принимать участие в передаче?»

Роб нахмурился.

«Мне нужно, чтобы они все были там, – подумал он. – Любой ценой».

Но даже если отчет Моран окажется благоприятным, все равно время уходит слишком быстро – так казалось Робу. Ему нужно было достойное завершение, и когда в марте к нему приехала Лори Моран и предложила свой проект по воссозданию ночи «Выпускного праздника», он счел это ответом на свои молитвы. «Разве что я никогда не был склонен молиться, – поправил себя Роб. – Я всегда оставлял это Бетси».

Эта мысль заставила его безрадостно засмеяться; смех больше напоминал хриплый лай и завершился приступом кашля.

Почему доктор не позвонил и не сообщил результаты обследования?

Когда Роб сошел с выложенной галькой дорожки в патио, его экономка, Джейн Новак, открыла перед ним раздвижную стеклянную дверь.

– С ходу в лунку? – с улыбкой поинтересовалась она.

– Не совсем, но все равно неплохо, Джейн, – ответил Роберт, стараясь сдержать раздражение: Джейн задавала ему этот вопрос всякий раз после того, как он выходил на лужайку. Если он и хотел бы что-то изменить в Джейн, так это ее полное отсутствие чувства юмора. Она считала этот свой вопрос шуточным.

Джейн, крепкого сложения женщина с серыми глазами и такого же цвета волосами, устроилась работать в его дом вскоре после его брака с Бетси. Роб понимал, что Бетси неуютно с предыдущей экономкой, которую наняла его первая жена и которая оставалась в доме после смерти той. «Роб, эта женщина хочет меня отсюда выжить, – говорила Бетси. Я это чувствую. Скажи ей, что у нее ничего не получится, и дай ей хорошее выходное пособие. Я уже знаю, кого хочу взять на ее место».

Бетси хотела взять экономкой Джейн Новак, которая работала за кулисами того же театра, где Бетси была билетершей. «Она – превосходный организатор. Ей удастся поддерживать гримерные в идеальном порядке. И она отлично готовит», – уверяла Бетси.

Эти похвалы в адрес Джейн оказались правдой. Приехав в Америку из Венгрии и получив грин-карту, женщина была безмерно счастлива стать экономкой в богатом особняке и полностью посвятила себя работе, как и предсказывала Бетси. Обе женщины были ровесницами, и сейчас Джейн исполнилось шестьдесят два года. Если у нее и были родные или подруги, Роб никогда их не видел. Ее весьма удобные комнаты располагались за кухней, и даже в свои выходные дни она редко их покидала, – насколько он видел. Роб знал, что каждое утро ровно в семь тридцать Джейн будет готовить ему завтрак на кухне, – если только он не уезжал куда-нибудь из города.

За прошедшие годы Роб научился замечать на почти бесстрастном лице Джейн мельчайшие нюансы выражения, свидетельствующие о том, что что-то не так. И, входя в дом, он осознал, что видит эти нюансы сейчас.

– Мистер Роб, вы сказали, что к нам едет миссис Моран, – напомнила Джейн. – Надеюсь, вы не против, если я спрошу – значит ли это, что передача состоится?

– Я не против вашего вопроса, но я не знаю, что ответить, – отозвался Роб. Выговаривая эту фразу, он вдруг понял, что на самом деле вопрос Джейн ему не понравился, поскольку в тоне ее звучала нотка неодобрения.

Он успел переодеться в спортивного стиля рубашку с длинными рукавами и спуститься вниз, прежде чем прозвенел дверной звонок.

Было ровно четыре часа дня. Роб задумался: неужели Лори так точно рассчитала время своего прибытия? Или она приехала чуть раньше и ждала в машине, прежде чем войти в дом?

Это было одно из тех совершенно бессмысленных размышлений, которым Роб Пауэлл часто предавался в последнее время. «Витать в облаках» – так это называли когда-то. Он даже не поленился и отыскал это выражение в словаре. Определение было таким: «предаваться пустым мечтам и грезам, раздумывать о несущественном».

«А ну брось эту дурь!» – приказал сам себе Роб и встал. Он попросил Джейн провести Лори Моран не в его кабинет, а в библиотеку. Бетси нравился английский обычай пить чай в четыре часа дня. После ее смерти Роб отошел от этого обыкновения, но сегодня оно вдруг показалось ему уместным.

«Опять витание в облаках», – признался он себе, когда Джейн вошла в помещение в сопровождении Лори Моран.

Когда месяц назад журналистка приезжала к нему с первым визитом, он оценил ее как привлекательную женщину, но сейчас, когда она на мгновение замерла в дверях, обрамленная дверным проемом, словно рамой картины, Роб осознал, что она прекрасна. Ее волосы мягкого медового оттенка свободно лежали на плечах, а вместо полосатого брючного костюма сегодня она была одета в блузку с длинными рукавами и юбку с черным поясом, подчеркивавшим ее тонкую талию. Каблуки черных кожаных туфель были невысокими – не те нелепые «шпильки», которые нынче повсеместно пошли в моду.

Семидесятивосьмилетний мужчина заново оценил ее приятную внешность.

– Входите, миссис Моран, входите, – приветливо произнес он. – Я не кусаюсь.

– Я и не думала, что вы кусаетесь, мистер Пауэлл, – ответила Лори, улыбаясь. Войдя в комнату, она села на диванчик напротив просторного кожаного кресла, в котором восседал хозяин дома.

– Я попросил Джейн приготовить чай, – сообщил он. – Можете подавать сейчас, Джейн, благодарю.

– Как это любезно с вашей стороны.

«С его стороны это и впрямь любезно», – думала Лори.

Она сделала глубокий вдох. Здесь и сейчас, когда на кону стояло столь многое, сохранять спокойствие было трудно. Появление в программе четырех женщин, звезд «Выпускного праздника», может обойтись этому человеку почти в два миллиона долларов, а не в половину этой суммы, как предполагалось ранее.

Лори собралась с духом, чтобы начать речь, но, прежде чем заговорить, она подождала, пока Джейн не выйдет из комнаты, – чем-то присутствие этой женщины ей мешало.

– Могу облегчить ваше затруднение, – неожиданно сказал Роберт Пауэлл. – Возникла некая проблема. Не надо быть провидцем или мудрецом, чтобы предположить, что дело в деньгах. Одна из четырех девушек – то есть уже женщин – считает, что мы платим недостаточно, чтобы заставить их выставить себя на обозрение публики.

Лори несколько секунд поколебалась, затем подтвердила:

– Это верно.

Пауэлл улыбнулся.

– Давайте, угадаю, кто из них. Это не может быть Клэр. Она отказывалась принять от меня помощь с самой смерти Бетси. Когда она узнает, что по завещанию я оставляю ей изрядную сумму денег, это вряд ли ее впечатлит. Когда настанет время, она даже может пожертвовать все эти деньги на благотворительность. Мы были дружны, но Клэр очень любила мать, и смерть Бетси просто ошеломила ее. Почему-то она винит в этом меня – нет, не в том, что я убил ее мать, поймите. Как бы зла она ни была, она знала, что это невозможно; но, я думаю, в глубине души она не простила меня за то, что я проводил какое-то время наедине с Бетси.

Несколько долгих секунд он смотрел мимо Лори, потом медленно добавил:

– Я полагаю, что это Нина Крэйг хочет выжать из нас побольше денег. В этом она очень похожа на свою мать. Я действительно какое-то время встречался с Мюриэль Крэйг. Очень привлекательная женщина, но была в ее характере некая безжалостность. Я перестал видеться с нею не только из-за того, что встретил Бетси. Это все равно случилось бы, так или иначе. Просто так совпало, что наше расставание и мое знакомство с Бетси произошли почти одновременно.

Вошла Джейн с чайным подносом, прервав его воспоминания. Она поставила поднос на кофейный столик между диваном и креслом Роберта и спросила:

– Разливать чай, мистер Пауэлл?

При этом она уже держала в руках заварочный чайник, наливая горячую жидкость в чашку Лори. Роберт приподнял брови и бросил насмешливый взгляд на гостью. После того как Джейн предложила к чаю сливки, лимон, сахар или подсластитель, а потом вышла из библиотеки, он заметил:

– Как видите, Джейн задает риторические вопросы. Она все время так делает.

Лори осознала, что пропустила обед и теперь голодна. Она заставила себя откусить лишь крошечный кусочек от бутерброда с лососем. Первым побуждением было умять этот бутерброд целиком и потянуться за следующим.

Но хотя она и заставляла себя есть медленно, у нее возникло ощущение, что Роберт Пауэлл играет с ней. Действительно ли он догадался, что именно Нина Крэйг требовала больше денег, – или та связалась с ним лично?

И знал ли он, сколько Нина намеревалась потребовать?

– Я прав относительно Нины? – спросил Пауэлл, забросив ногу на ногу и поднося к губам чашку с чаем.

– Да, – ответила Лори.

– И сколько она хочет для всех выпускниц?

– По двести пятьдесят тысяч долларов чистыми каждой.

– Она даже более алчна, чем я думал, – пробормотал Пауэлл. – Точь-в-точь как ее дорогая мамочка. – Тон его стал жестким: – Передайте ей, что я выплачу эти деньги.

Эта резкая перемена в голосе и выражении лица потрясла Лори.

– Миссис Моран, вам нужно кое-что понять, – начал объяснять он. – Как и все четыре девушки, в честь которых устраивался «Праздник», я долгое время живу под гнетом подозрений. Сегодня многие настроены жить до ста лет, но большинство не минует рубеж в восемьдесят или восемьдесят пять. Прежде чем я умру, я хочу получить шанс вместе с девочками предстать перед широкой

аудиторией и, быть может, втолковать всем наконец насколько огромен этот дом и как много народа приходило и уходило в тот вечер. Что здесь легко мог оказаться посторонний. Как вам известно, у нас есть съемки с той вечеринки – длинные ленты.

– Я это знаю, – подтвердила Лори. – Похоже, я читала все, что писали об этом деле.

– Ну, тогда вы сможете понять, что, не считая щедрых пожертвований на благотворительность и в адрес школ, которые посещали я, Бетси и Клэр, у меня есть довольно много денег, которые мне предстоит потратить до того, как я умру, и что на этом фоне та сумма, которую запросила Нина, выглядит довольно незначительной. Но окажите мне одну услугу. Когда вы будете писать ей о том, что мы согласны на выдвинутые условия, пожалуйста, передайте Нине: я надеюсь, что ее мать собирается приехать на передачу вместе с ней. Буду рад увидеть ее снова.

Казалось, он ожидал, что Лори будет протестовать против этой просьбы.

– Конечно, я не имею в виду, что она будет жить в моем доме в качестве гостыи. Я забронирую номер в отеле «Сент-Реджис».

«Он согласен!» Лори сама удивилась тому, какой прилив облегчения испытала при этом. Вероятность того, что ее программа все же выйдет в эфир, внезапно резко повысилась – ведь если бы Пауэлл отверг требования Нины Крэйг, шоу, скорее всего, было бы обречено, равно как и ее работа в студии. Две провальные передачи, потом отмененный проект, и все это после интенсивного интереса со стороны СМИ – скорее всего, ее ждало бы увольнение.

Бретт Янг терпеть не мог неудачи и неудачников.

Она начала было благодарить Пауэлла, но осознала, что он смотрит мимо нее, во внутренний дворик за стеклянными дверями библиотеки. Лори невольно проследила за его взглядом, чтобы понять, что послужило причиной неодобрительного выражения на лице Пауэлла.

Она увидела работника ландшафтной службы – он подстригал триммером траву по периметру дворика.

Пауэлл перевел взгляд с работника на Лори.

– Извините, – произнес он, – но меня раздражает то, что они так сильно задерживаются с работой. Я ясно дал понять, что все работы в моих владениях должны заканчиваться до полудня. Когда ко мне приезжают гости, на подъездной дорожке не должны торчать огромные грузовики разных служб.

Синеглазый заметил, что Пауэлл смотрит на него через стеклянные двери. Мужчина закончил подстригать последнюю клумбу во внутреннем дворе и, не оглядываясь, быстро понес свои инструменты обратно к грузовику. Это был первый день его работы в «Идеальном поместье». Если Пауэлл пожалуется на то, что он задержался с работой так надолго, Синеглазый всегда может сказать, что остался сверхурочно, дабы произвести впечатление на новое начальство.

Он подумал: «Когда они будут снимать эту передачу, здесь будут не только те бывшие выпускницы. Я тоже буду здесь».

Идеальный выбор времени и места для устранения Лори Моран.

Он уже приготовил записку, которую оставит на ее трупе:

Я УБИЛ ГРЕГА

Я УБИЛ ТЕБЯ

ТИММИ – СЛЕДУЮЩИЙ

В июне предварительные съемки для передачи «Выпускной праздник» шли полным ходом. Лори уже собрала все доступные видеоматериалы, снятые на

вечеринке, но потом Роберт Пауэлл по собственной инициативе достал дополнительные кадры, которые в ту ночь снимали другие гости.

«Это как балльный вечер Золушки. Только Золушек было четыре», – думала Лори, просматривая одну пленку за другой.

После смерти Бетси Джордж Кёртис, член гольф-клуба «Уингд фут» в Мамаронеке, принес в полицию видео, которое отснял в тот вечер. Но оно по большей части дублировало кадры, которые у полиции уже были. Ленту скопировали и отдали копию Роберту Пауэллу по его просьбе. «Здесь почти то же самое, что я вам уже отдал, – сказал он детективу, ведущему следствие, – но есть также сцены с моим и Бетси участием, что для меня особенно важно». У него были фотографии, сделанные из нескольких кадров этой пленки, где их с Бетси сняли вместе, – на одной из них Пауэллы смотрят друг на друга, на другой танцуют во внутреннем дворике, на третьей поднимают тост за выпускниц.

– Эти фильмы действительно позволяют нам пристально взглянуть на ту вечеринку, – сказала Лори, обращаясь к Грейс и Джерри. Она вновь и вновь проигрывала эти ленты в проекционном зале офиса, пытаясь решить, какие сцены хочет включить в передачу.

«Начну с обнаружения тела и прибытия копов, – думала она. – Это было в восемь утра. Пауэлл пришел будить Бетси. Он принес ей чашку кофе. Он всегда приносил ей утренний кофе в это время, даже если накануне она не ложилась спать допоздна. Потом сцена, когда вбегает Джейн, выкрикивая имя Бетси и требуя, чтобы кто-нибудь позвонил по номеру 911. Первый сегмент передачи мы закончим тем, как Бетси и Пауэлл произносят тост за выпускниц. Диктор прокомментирует: «Прекрасной Бетси Пауэлл оставалось жить всего четыре часа», – решила Лори.

Джордж Кёртис знал, что его могут засечь камеры безопасности вокруг особняка Пауэлла, но это его не беспокоило. «Половина Салем-Ридж проезжает мимо этого дома ежедневно, – думал он, следуя в ряду машин по тихой улице. – И что такого, если копы сочтут, что я подглядываю? Практически все на этой дороге так и делают».

Джордж решил сегодня ехать на легком кроссовере, а не на красном спортивном «Порше». Он очень сомневался, что его вообще узнают, разве что камеры сумеют поймать номер машины. У многих в Салем-Ридж были новые кроссоверы. Кроме того, Джордж надел кепку и темные очки.

Шестидесятитрехлетнего Джорджа Кёртиса – высокого, седовласого, подтянутого – можно было принять за отставного атлета. Он состоял в браке уже тридцать пять лет, его близнецы, сын и дочь, посещали колледж, и сам он был единственным наследником обширной сети ресторанов быстрого питания. В возрасте двадцати семи лет лишившись отца, он занялся доставшимся ему бизнесом. Ранее Джордж вел беспечную жизнь, и все полагали, что он продаст эту сеть и будет прожигать доставшееся богатство. Вместо этого он вскоре женился и со временем утроил количество ресторанов сети как в США, так и за границей, так что к нынешнему дню компания суммарно обслуживала миллион посетителей в день.

В отличие от Роберта Пауэлла, он поступил в Гарвард по уже накатанной дорожке – здесь учились три поколения его предков. Его, можно сказать, приняли в это почтенное учебное заведение с распростертыми объятиями, равно как и в «Хасты пуддинг» – студенческое театральное сообщество Гарварда.

Пятнадцатилетняя разница в возрасте никогда не мешала его дружбе с Робертом Пауэллом. Но, сворачивая с Эвергрин-лейн, Джордж думал: «Если бы он только знал, если бы он предполагал...»

Однако Роберт Пауэлл никогда ничего не подозревал, Джордж был в этом уверен. Он никогда не давал ему ни малейшего повода.

Неожиданно и резко зазвонил телефон. Джордж нажал кнопку «ответ», вмонтированную в рулевое колесо.

– Джордж Кёртис слушает, – сказал он.

– Джордж, это Роб Пауэлл.

«Боже, он что, выглянул в окно? – Джордж ощутил, как лицо заливают краска. – Нет, он не мог разглядеть номер машины, да и меня узнать не мог, я же просто проехал мимо!»

– Роб, привет! Как дела? Когда мы снова сможем встретиться и поиграть в гольф? Предупреждаю, я выбивал восемьдесят очков две субботы подряд.

– Это означает, что три субботы подряд ты это сделать не сможешь. Начнем в девять?

– Договорились. Я забронирую поле.

Джордж выдохнул с облегчением, сворачивая на свою улицу. Роб Пауэлл был не из тех, кто склонен болтать по телефону дольше, чем это необходимо. И потому Кёртис напрягся, когда тот сказал:

– Джордж, я хочу попросить тебя об услуге.

– Что бы ни было нужно, ответ – «да», – отозвался Джордж, но даже сам услышал предательскую хрипоту в своем голосе.

– Я забираю все твои предприятия в Европе, – пошутил Роб, потом тон его стал серьезным: – Джордж, ты наверняка слышал в новостях, что в июне двадцать лет со дня смерти Бетси и что те события будут положены в основу телепрограммы.

– Да, слышал, – тихо ответил Кёртис.

– Дело в том, что телевизионщики хотят, чтобы, помимо девочек, кто-нибудь из друзей, бывших там в тот вечер, высказал свое мнение о празднестве в промежутках между видеоэпизодами. Я предложил твою кандидатуру, и они просто запрыгали от восторга, учуяв возможность заполучить тебя в кадр. Конечно, мне сначала следовало спросить тебя, но ведь ты всегда можешь им отказать.

Рассказывать о той ночи перед камерами на всю страну? Джордж почувствовал, как вспотели его ладони, лежащие на руле, а в горле встал комок. Но тон его был спокойным и дружеским:

– Джордж, я ведь только что сказал, что выполню любую твою просьбу. Я не отказываюсь от своих слов.

– Спасибо. Мне трудно было об этом просить, и, я уверен, тебе было трудно согласиться.

Связь оборвалась с резким щелчком. Джордж Кёртис осознал, что весь вспотел от напряжения. «Не хочет ли Роб подстроить мне ловушку?» – спросил он себя, чувствуя, как подступает ужас.

Не в силах думать ни о чем другом, он едва не проехал мимо поворота к своему дому.

11

Джейн Новак наблюдала за потоком машин, проезжающих мимо дома, из окон изысканно украшенной и почти всегда пустующей гостиной.

Сегодня телевизионная бригада проводила съемки в спальне Бетси.

«Я хочу сказать – в спальне миссис Пауэлл», – подумала Джейн саркастично. Бетси стала для нее «миссис Пауэлл» двадцать девять лет назад, когда Джейн взяли экономкой в этот дом.

– Мистер Пауэлл очень привержен традициям, Джейн, – сказала тогда Бетси. – Он сказал, что если я хочу тебя нанять, он совершенно не против, но что тебе нужно будет обращаться ко мне так.

В то время тридцатитрехлетней Джейн было все равно. Она была в восторге от того, что получила эту работу. Мистер Пауэлл настоял на личной встрече с нею и отправил машину с шофером, чтобы привезти ее на собеседование. Он объяснил, что дом очень большой и что две горничные из службы уборки, приходящие каждый день на четыре часа, будут работать под ее, Джейн, руководством. Также она должна готовить еду для семьи Пауэллов. Если они дают званый обед, обо всем позаботится фирма – поставщик продуктов. Джейн могла проводить за готовкой бо?льшую часть дня – это было ей в радость, а не в тягость. Она поверить не могла в свою удачу.

К тому времени, когда она отработала у Пауэлов год, искренняя признательность Джейн за эту работу перешла на новый уровень.

Она страстно полюбила Роба Пауэлла.

Но ни мгновения не сомневалась: нет ни малейшего шанса на то, что он посмотрит на нее, как мужчина на женщину.

Обеспечивать ему комфорт, радоваться его похвалам за поданную трапезу, слышать его шаги на лестнице, когда он спускается по утрам в кухню, чтобы забрать чашку кофе для Бетси, – этого было достаточно. Двадцать лет, прошедших со дня смерти Бетси, Джейн могла жить фантазиями о том, что она замужем за Робом.

Когда он говорил: «Сегодня вечером я отправляюсь поужинать, Джейн», – она испытывала тайный страх и украдкой бросала взгляд на ежедневник, который Роб держал на своем рабочем столе. Но женские имена появлялись там редко, и Джейн постепенно поверила, что в его годы он не намерен обзаводиться новой миссис Пауэлл.

В прошлом году он обсуждал свое завещание с адвокатом, который был также его близким другом, и когда они вместе отправились играть в гольф, завещание осталось на столе.

Пролистав его до конца, Джейн нашла то, что искала: Роб намерен был оставить ей триста тысяч долларов на квартиру в Сильвер-Пайнс, общине тех, кому за пятьдесят. Он знал, что с некоторыми тамошними обитательницами Джейн свела дружбу во время посещения церкви. И еще выплата до конца ее жизни – тысяча долларов в неделю.

Прочитав это, Джейн еще больше стала преклоняться перед Робертом Пауэллом.

Но эта передача могла положить начало неприятностям. Экономка знала это. «Не будите спящих собак», – думала она, глядя, как проезжающие мимо дома водители поглядывают в сторону особняка.

Покачав головой, Джейн повернулась от окна и увидела, что в дверном проеме стоит продюсер, Лори Моран.

– О... – произнесла Джейн, от неожиданности потеряв на миг свою обычную невозмутимость.

Лори почувствовала, насколько экономка недовольна ее присутствием.

– Извините, мисс Новак, я понимаю, что вы, должно быть, уже устали от нас, но я не хочу тревожить мистера Пауэлла. У меня к вам всего один вопрос.

Джейн сумела придать лицу бесстрастное выражение.

– Конечно, спрашивайте, миссис Моран.

– Спальня миссис Пауэлл отделана с большим вкусом. Были ли драпировки, покрывало и ковер заменены после ее смерти, или они остались теми же, что и в ночь убийства?

– Нет, миссис Пауэлл тогда только что переделала комнату, наняв декоратора, но эффект ей не понравился. Она сказала, что цвета слишком броские.

«Напрасная трата, – подумала Джейн, сдерживаясь, чтобы не покачать осуждающе головой. – Совершенно напрасная трата денег».

– Она заказала новые драпировки, новое изголовье для кровати и новый ковер. После ее смерти мистер Пауэлл велел сделать все это, чтобы почтить ее желание. Тогда спальня и стала выглядеть так, как сейчас.

– Очень красиво, – искренне похвалила Лори. – Той комнатой когда-либо пользовались с тех пор?

– Никогда, – ответила Джейн. – Но в ней всегда поддерживают порядок. Серебряная щетка для волос и серебряный гребень, лежащие на трюмо, всегда тщательно отполированы. Даже полотенца в ее ванной комнате регулярно меняют. Мистер Пауэлл хочет, чтобы ее комната и ванная всегда выглядели так, будто она вот-вот откроет дверь и войдет.

Лори не смогла удержаться от вопроса:

– Он много времени проводит в ее комнате?

Джейн нахмурилась.

– Я так не считаю, но подобные вопросы следует задавать самому мистеру Пауэллу.

Теперь неодобрение в выражении лица и голосе экономки стало явным.

«О боже, – подумала Лори, – не хотела бы я с ней враждовать».

– Спасибо, Джейн, – примирительным тоном сказала она. – Мы все уже уезжаем. И не вернемся до следующей недели. Увидимся с вами в понедельник. И, заверяю вас, в среду после обеда мы завершим работу здесь уже окончательно.

Был почти полдень, а значит, Роберт Пауэлл был вправе ждать, что съемочная группа вот-вот покинет его владения. К тому же по пятницам он работал дома. С тех пор, как они прибыли, он сидел в своем кабинете за закрытой дверью.

«Три дня», – думала Лори в тот день после обеда, когда разбирала записи вместе с Джерри и Грейс. Ассистенты ежедневно вместе с ней прибывали на съемки в Салем-Ридж.

И именно Грейс высказала вслух то, о чем думали все они.

– Это место шикарно, – заявила она. – Оно вызывает у меня желание никогда не возвращаться в мою квартирку, где и трех шагов нельзя ступить, чтобы на стену не наткнуться, и лифта в доме нет, а я живу на пятом этаже. – Она помолчала, сверкая выразительными глазами, подведенными еще сильнее, чем обычно. – А с другой стороны, оно на меня жуть нагоняет. Моя бабушка говорила, что если голубь залетает в комнату – значит, в доме скоро кто-то умрет, это примета такая. Лори, ты сегодня была в спальне Бетси, когда снаружи летал голубь, пытаюсь попасть в дом?

– Да ладно, – отмахнулся Джерри. – Грейс, это слишком суеверно, даже для тебя.

«Конечно, это суеверие», – сказала себе Лори.

Она не хотела признаваться Грейс и Джерри, что великолепный дом, где умерла Бетси Пауэлл, наводит жуть и на нее.

12

В полдень воскресенья Джош забрал в Уэстчестерском аэропорту первую из прибывших – Клэр. Хотя женщина была знакома с Джошем, который был нанят незадолго до смерти Бетси, она лишь коротко поздоровалась с ним и воздержалась от дальнейших разговоров. Пока он вез ее до отеля «Уэстчестер-Хилтон», она мысленно сверяла свои планы на ближайшие три дня. В понедельник они встречаются в первый раз за завтраком. До конца дня они будут свободны, получив возможность заново оглядеться в доме и на прилегающем участке. Во вторник с каждой из них будут проводить интервью по отдельности. Все они согласились остаться в доме в ночь со вторника на среду, в тех же комнатах, где спали двадцать лет назад. Утром в среду будет интервью с Робертом Пауэллом, после чего их станут фотографировать за обеденным столом. Потом всех их повезут в аэропорт, каждую к своему рейсу.

«Хотя мы полностью осознаем, насколько болезненно это будет для вас, своим согласием на участие в этой программе вы все сделали главный шаг к тому, чтобы очистить свои имена от подозрения», – было сказано в последнем абзаце письма от Лори.

«Очистить наши имена!» – горько подумала Клэр Боннер, подходя к стойке портье в «Уэстчестер-Хилтон».

Она была одета в светло-зеленый летний костюм, который купила в дорогом бутике в Чикаго. За три месяца с получения первого письма от Лори Моран Клэр отрастила волосы и осветлила их, так что теперь на плечи ей падали сияющие локоны. Но сегодня она собрала их в «хвост» и прикрыла легким шарфом. Кроме того, все это время она практиковалась в наложении макияжа, но сегодня

краситься не стала. Клэр знала, что с макияжем и такой же прической, какую носила Бетси, она сейчас пугающе похожа на мать. Она не хотела, чтобы Джош увидел это сходство и рассказал о нем Пауэллу – до тех пор, пока она не встретится с отчимом лично.

– Ваш номер готов, мисс Боннер, – сказал портье и подозвал коридорного. Клэр уловила долгий взгляд, которым он ее наградил, и легкую эмоциональность его тона.

Почему бы и нет? Было почти невозможно пропустить все газетные статьи относительно будущей передачи. Глянцевые журналы буквально землю рыли, ища все возможные сведения о Бетси Боннер Пауэлл. Статья «Билет в новую роковую жизнь» была особенно раздражающей – она появилась на первой странице «Шокера», еженедельника сенсационных сплетен. В статейке подробно описывалась первая встреча Бетси Боннер и Роберта Пауэлла. Бетси привезла свою дочь Клэр в город Рай, пообедать в ресторане в честь тринадцатилетия девочки. Роберт Пауэлл, вдовец, сидел в том же зале вместе с подругой Клэр, Ниной, и ее матерью. Когда Бетси и Клэр уходили, Нина позвала их. Они подошли к столику Пауэлла, и Нина представила Бетси и Клэр мультимиллионеру, основателю хеджевого фонда[4 - Х е д ж е в ы й ф о н д – частный, не ограниченный нормативным регулированием либо подверженный более слабому регулированию инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц и управляемый профессиональным инвестиционным управляющим. Отличается особой структурой вознаграждения за управление активами.] на Уолл-стрит.

«Остальное, как говорится, уже история», – гласило банальное вступление к финальным колонкам статьи. Роберт Пауэлл утверждал, что это была любовь с первого взгляда. Три месяца спустя они с Бетси Боннер поженились.

«Актриса Мюриэль Крэйг держалась невозмутимо, но достоверные источники утверждают, что она была вне себя от ярости и винила свою дочь Нину в том, что она все подстроила, окликнув Клэр в ресторане».

«Я знаю, что это правда, – думала Клэр, следуя за коридорным к лифту. – Бедная Нина».

Номер состоял из большой спальни и гостиной, полноразмерной ванной комнаты и туалета, отделанных в пастельных тонах. Он выглядел одновременно привлекательно и успокаивающе.

Клэр отпустила коридорного, по телефону заказала обед в номер и распаковала свой единственный чемодан. В нем лежали три комплекта одежды, которые она решила привезти с собой, а также новый набор косметики.

В одном из писем по электронной почте Лори Моран запросила рост и размер одежды Клэр, сказав, что обеспечит гардероб для съемок.

«Гардероб для съемок! – мысленно фыркнула Клэр, читая письмо. – За каким чертом нужен этот гардероб?»

Но потом она поняла. Моран хочет сделать бальные платья, похожие на те, что девушки надели двадцать лет назад на «Выпускной праздник», – хотя и не точно такие же.

Они должны будут воссоздать несколько сцен с видеороликов – например, ту, где четыре выпускницы чокаются бокалами с шампанским или позируют для камер, взявшись за руки. И те, где их по одной допрашивает полиция.

«Я знаю, что выгляжу хорошо, – подумала Клэр. – Сейчас я очень похожа на свою дорогую мамочку».

Легкий стук в дверь известил ее о том, что служба доставки принесла ее заказ: куриный салат и чай со льдом.

Но, медленно поедая салат и запивая его чаем, Клэр осознала, что смелости в ее душе гораздо меньше, чем ей казалось.

Что-то подсказывало ей не осуществлять задуманный план.

«Это просто нервы, – пыталась она подбодрить себя. – Всего лишь нервы».

Но это объяснение выглядело неубедительным.

Ее внутренний голос твердил, отдаваясь в голове подобно ударам барабана: «Не делай этого. Не делай этого. Оно не стоит риска!»

13

Рейс из Кливленда до Уэстчестерского аэропорта оказался долгим. Из-за сильного дождя вылет был отложен на два часа, уже после того, как пассажиры загрузились в самолет. Это был маленький частный аэроплан, и места, чтобы встать и размяться, в нем почти не было. Для Рода с его больной спиной это оказалось тяжелым испытанием. В какой-то момент Элисон предложила вообще отменить эту поездку.

– Эли, это твой шанс получить диплом, который был так тебе нужен. От Пауэлла и производственной компании ты получишь суммарно триста тысяч долларов чистыми. Этого хватит для оплаты учебы в медицинском институте и всех иных расходов, но каждый цент на счету. Ты же помнишь, как страстно ты хотела стать врачом, а потом заняться медицинскими исследованиями, – возразил ей Род.

«Даже если я попаду в институт, мне придется учиться все время. А что будет делать Род? Если мне придется уехать для учебы, неужели он бросит работу в аптеке и уедет со мной, оставшись вообще без дела? – гадала Элисон. – Но если из аптеки уволимся и я, и он, нам придется нанять двух новых служащих. Я не знаю, что из этого получится».

Ее наручные часы показывали три, когда самолет приземлился в Уэстчестере. К тому времени на лице Рода уже явно отображалась боль, которую он испытывал. После того как он проковылял на костылях к ожидавшему его инвалидному креслу, Элисон склонилась над ним и прошептала:

– Спасибо, что выдержал все это.

Взглянув на нее снизу вверх, муж сумел выдавить улыбку.

К счастью, водитель, грубоватого вида мужчина лет пятидесяти, с телосложением бывшего боксера, ждал их у терминала. Он представился:

– Я Джош Дамиано, шофер мистера Пауэлла. Он хотел удостовериться, что вы с комфортом доедете из аэропорта до своего отеля.

– Как это мило со стороны мистера Пауэлла. – Элисон надеялась, что презрение, которое она испытывала, не отразилось в ее тоне. Теперь, когда они вернулись в Нью-Йорк, в голове ее замелькали обрывки воспоминаний, словно картинки в калейдоскопе. В последний раз она с мужем была здесь пятнадцать лет назад – именно тогда врачи сказали, что Роду бесполезно делать дальнейшие операции.

К тому времени у них закончились деньги, и семья Рода взяла кредит, чтобы помочь им, но Элисон сумела в течение года окончить вечерние курсы и получить лицензию фармацевта. Они с радостью ухватились за возможность уехать в Кливленд и работать в аптеке кузена.

«Я любила Нью-Йорк, – подумала она, – но была счастлива уехать отсюда. Мне всегда казалось, что когда прохожие видят меня, они начинают гадать, не я ли убила Бетси Пауэлл. В Кливленде мы, по большей части, жили тихо и незаметно».

– Возле выхода есть сиденья, – сообщил Дамиано. – Давайте я устрою вас поудобнее и пойду подгоню машину. Постараюсь не задерживаться.

Они смотрели, как водитель забирал багаж. Вернулся он через пять минут.

– Машина у дверей, – сказал Джош, помогая катить кресло Рода.

Блестящий черный «Бентли» ждал у тротуара.

Когда Дамиано помогал Роду перебраться из инвалидного кресла на сиденье машины, Элисон ощутила, как у нее сжимается сердце.

«Роду так больно, – думала она, – но он никогда не жалуется и никогда не заговаривает о футбольной карьере, которую мог бы сделать...»

Огромная машина тронулась с места.

– На дорогах почти свободно, – уведомил Дамиано, – мы будем в отеле минут через двадцать.

Они решили остановиться в «Краун-Плаза» в Уайт-Плейнс. Городок находился довольно близко к Салем-Ридж, но достаточно далеко от отелей, где собирались поселиться остальные три подруги, участвовавшие в передаче. Лори Моран позаботилась об этом.

– С вами все в порядке? – заботливо спросил Дамиано.

– Мне очень удобно, – заверила его Элисон, в то время как Род что-то пробормотал в знак согласия.

Но потом, наклонившись к жене, он прошептал:

– Эли, я тут подумал... перед камерами не говори ни слова о том, что ты могла ходить во сне и оказаться в комнате Бетси в ту ночь.

– Я и не думала об этом говорить, Род, – ужаснувшись, ответила Элисон.

– И, если тебя не спросят, не говори, что ты собираешься учиться в мединституте. Это напугает всех, как ты была разочарована, не получив стипендию в медицинский институт, и как ты разозлилась, когда Роберт Пауэлл посоветовал декану отдать эту стипендию Вивиан Филдс.

Упоминания об этом разочаровании, постигшем ее в день окончания колледжа, было достаточно, чтобы на лице Элисон отразились боль и гнев.

– Бетси Пауэлл пыталась попасть в «Женский клуб», где тусовались самые крутые светские львицы, а мать Вивиан Филдс была президентом этого клуба. И конечно, у Пауэлла был рычаг, на который можно было надавить: он ведь только что сделал пожертвование на постройку общежития для института! Филдсы могли позволить себе стократно оплатить обучение Вивиан. Даже декан выглядел пристыженным, называя ее имя. А потом пробормотал что-то о блестящих успехах Вивиан в учебе... Ну да, успехи! Она вылетела из института

на втором курсе. Я бы выцарапала Бетси глаза!

– Вот поэтому, если тебя спросят, что ты собираешься делать с этими деньгами, просто скажи, что мы планируем совершить кругосветный морской круиз, – посоветовал Род.

Глядя в зеркало заднего вида, Джош Дамиано видел, как Род шепчет что-то своей жене, и отметил ее неожиданную обеспокоенность и потрясение. Он не слышал, о чем они говорят. Но про себя улыбнулся.

«Неважно, слышу я их или нет, – подумал он. – Диктофон записывает все, что сказано в этой машине».

14

Когда Регина Коллари узнала, что за участие в передаче суммарно получит от студии «Фишер Блейк» и Роберта Пауэлла триста тысяч долларов чистыми, она испытала облегчение и восторг.

Тяжкое бремя жизни от одного платежного чека до другого, то есть от одной продажи дома до другой на кошмарном рынке недвижимости, свалилось с ее плеч.

Это напомнило ей о том ощущении тепла и безопасности, которое она чувствовала в давние времена, до того дня, как нашла тело отца, висящее в гараже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/meri-klark/ty-menya-zavorozhil-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Д е л о Л и н д б е р г а – дело о похищении и убийстве Чарльза Августа Линдберга-младшего, сына знаменитого авиатора Чарльза Линдберга и Энн Морроу Линдберг. Одно из получивших наиболее широкую огласку преступлений XX века. 20-месячный ребенок был похищен из своего дома в Ист-Эмвилле, Нью-Джерси, недалеко от города Хопвелл, Нью-Джерси, вечером 1 марта 1932 года. Спустя два месяца, 12 мая 1932 года, тело было обнаружено неподалеку от дома Линдбергов. Медицинская экспертиза установила, что причиной смерти был массивный перелом черепа.

2

«Н ь ю – Й о р к Д ж а й а н т с» – профессиональный футбольный клуб (американский футбол). К у о т е р б е к – распасовщик, ключевая фигура в составе команды нападения.

3

Речь идет о знаменитом американском телесериале «Отчаянные домохозяйки».

4

Х е д ж е в ы й ф о н д – частный, не ограниченный нормативным регулированием либо подверженный более слабому регулированию инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц и управляемый профессиональным инвестиционным управляющим. Отличается особой структурой вознаграждения за управление активами.

Купить: <https://tellnovel.com/meri-klark/ty-menya-zavorozhil-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)